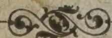
А. Л. Погодинъ.

КЪ ВОПРОСУ

О ВАРВАРСКИХЪ ИМЕНАХЪ

НА ЮЖНО-РУССКИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ НАДПИСЯХЪ.

I.

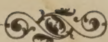

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

А. Л. Погодинъ.

КЪ ВОПРОСУ
О ВАРВАРСКИХЪ ИМЕНАХЪ
НА ЮЖНО-РУССКИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ НАДПИСЯХЪ.

I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1901 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VI (1901), кн. 2-ой, стр. 136—176.

Къ вопросу о варварскихъ именахъ на южнорусскихъ греческихъ надписяхъ[1]).

I.

Темный вопросъ о національности скиѳовъ и сарматовъ, въ которыхъ большинство представителей современной науки видитъ носителей иранскихъ нарѣчій на югѣ Россіи, представлялъ издавна арену для борьбы всевозможныхъ національныхъ пристрастій и тенденцій, тѣсно связанныхъ съ излюбленной спеціальностью того или другого ученаго. Въ зависимости отъ національности автора, скиѳы оказывались германцами (Боннель, Бергманъ) или славянами (Григорьевъ, Иловайскій, Самоквасовъ); въ зависимости отъ его ученой спеціальности—тюрками (Вамбери); подъ вліяніемъ предвзятаго мнѣнія,—финнами (Эйхвальдъ) или монголами (Нибуръ, Кипертъ, Нейманъ, Майръ, Мищенко и мн. др.). Опираясь на одну и ту же гипотезу, что «въ общей этнографіи южной Россіи не произошло никакой существенной перемѣны съ начала историческихъ временъ», Сенковскій признавалъ древнѣй-

1) Настоящая статья имѣетъ цѣлью представить возможность появленія на надписяхъ Босфорскаго царства именъ различныхъ «варварскихъ» народовъ. Самаго объясненія этихъ именъ авторъ здѣсь не даетъ, такъ какъ собранный имъ матеріалъ требуетъ еще значительной провѣрки и дополненія.

Прим. автора.

шими обитателями Скиѳіи славянъ, финновъ и турокъ, а Вамбери рѣшительно видѣлъ въ нихъ однихъ тюрковъ. Защитники монгольскаго происхожденія скиѳовъ, исходившіе изъ указаній древнихъ писателей относительно наружности и быта этихъ племенъ, ограничивались такими общими разсужденіями, которыя не было трудности примѣнить и къ тюркамъ и къ любой другой кочевой народности. Наконецъ, сближенія археологовъ (Забѣлина, Прохорова, Самоквасова), ссылавшихся на сходство славянскихъ и скиѳскихъ орнаментовъ, сосудовъ и т. п., могутъ говорить, если даже они имѣютъ какую-нибудь доказательную силу, только въ пользу культурнаго вліянія одного народа на другой, а никакъ не за отожествленіе двухъ племенъ, извѣстныхъ подъ разными названіями. Итакъ, вращаясь въ области однихъ и тѣхъ же фактовъ, числомъ крайне ограниченныхъ, а по значенію слишкомъ неясныхъ, изслѣдователи по произволу приписывали скиѳамъ всевозможныя національности.

Къ сожалѣнію, не лучше обстояло дѣло и съ лингвистическими изслѣдованіями собственныхъ и географическихъ именъ, такъ или иначе связанныхъ съ землями, занятыми скиѳами и сарматами. Отожествляя имя царицы саковъ *Заринаи* съ quasi славянскимъ *Зорыня* (фантастическое словопроизводство отъ корня *зор*, *зоря*), Григорьевъ строилъ теорію о славянскомъ происхожденіи скиѳскаго народа саковъ и подкрѣплялъ ее такими сопоставленіями, какъ Κοδραίος съ *Кудря* (кудрявый), *Спаретра* съ корнями *спар*(=*свар*, славянское названіе солнца) и *етра*(=*ятрь*), откуда вытекало, что «все значитъ Солнцева нутрь». Въ его глазахъ, городъ *Роксонаке* былъ передѣлкою какого нибудь славянскаго эпитета города: напр., могъ возникнуть изъ слова *Ршанская*, *Рушанская*, которое въ свою очередь было связано съ племеннымъ названіемъ *Рось*.

Подобно этому, толкованіе собственныхъ именъ въ славянскомъ духѣ не затруднило и Куно, автора извѣстнаго сочиненія: «Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde» (I Theil. Die Scythen. Berlin. 1871), который посвятилъ цѣлую главу «Лето-

славянскимъ слѣдамъ въ Анатоліи» и производилъ названіе рѣки *Surius* отъ слова *сыръ*, *Borgys* отъ *брѣгъ*, *Penios*, притокъ Фазиса, отожествлялъ съ *Пиной* и также свободно и просто расправлялся съ личными именами. Можно сказать, не рискуя быть голословнымъ, что толкованія Неймана, Бергмана и др. въ монгольскомъ, германскомъ и др. направленіяхъ не болѣе удачны, чѣмъ объясненія Григорьева, Куно и др. въ славянскомъ. Строго научную доказательность лингвистическія сближенія пріобрѣтаютъ только въ рукахъ Мюлленгофа и Вс. Миллера, которые указали на несомнѣнное присутствіе иранскаго элемента въ личныхъ и географическихъ именахъ скиѳовъ и сарматовъ. На основаніи этихъ данныхъ, первый пришелъ къ выводу (Deutsche Altertumskunde. III. Berlin. 1892, стр. 122) относительно иранскаго происхожденія скиѳовъ и сарматовъ, и этотъ выводъ сдѣлался ходячей монетой въ современной наукѣ, причемъ въ глазахъ нѣкоторыхъ ученыхъ (Кречмера, Юсти) скиѳы оказываются остаткомъ иранскаго племени, вышедшаго изъ родины индо-германскаго племени, т. е. Южной Россіи.

Взглядъ Мюлленгофа, по которому, пользуясь словами Д'Арбуа де Жубенвиля (Les premiers habitants de l'Europe, изд. 2, томъ I, стр. 224), «мѣсто скиѳовъ въ индоевропейской семьѣ опредѣляется съ достовѣрностью, которая, повидимому, выше всякихъ возраженій», этотъ взглядъ подвергся весьма существенной поправкѣ въ работахъ Вс. Миллера. Задавшись той же мыслью, что и Крекъ (Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, изд. 2, стр. 102), поставившій вопросъ, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ привноснымъ культурнымъ элементомъ (Importware), Вс. Миллеръ отвѣтилъ на него, возражая проф. Юргевичу, слѣдующимъ образомъ: «обиліе наличныхъ иранскихъ именъ, напримѣръ, въ надписяхъ танаидскихъ (двѣ трети общаго числа варварскихъ именъ) и ольвійскихъ (около половины), во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о значительности иранскаго элемента въ этихъ областяхъ» [1]). Опредѣляя точнѣе эту мысль,

1) *Вс. Миллеръ.* Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи. Жур. мин.

г. Миллеръ прибавляетъ, что «слѣды иранскаго элемента всего ярче на нижнемъ Дону, въ Танаидѣ, и затѣмъ на нижнемъ Бугѣ и Днѣпрѣ въ области древней Ольвіи, въ странѣ скиѳовъ-земледѣльцевъ» (Осет. этюды, III, 82). Разъ это такъ, мы пріобрѣтаемъ твердую основу для предположенія, что иранскіе элементы въ Танаисѣ происхожденія или сарматскаго, или восточно-скиѳскаго, но никакъ не западно-скиѳскаго, какъ предполагаетъ г. Миллеръ (Эпиграф. слѣды, 280), который вообще склоненъ приписывать скиѳамъ кочевникамъ иную національность, чѣмъ скиѳамъ осѣдлымъ—западнымъ. Опираясь на Геродотово дѣленіе Скиѳіи на древнюю, занятую скиѳами пахарями, и на новую, заселенную кочевыми племенами скиѳовъ, и на иранскій характеръ этническихъ легендъ западныхъ скиѳовъ, характеръ, которымъ не отмѣчена легенда восточныхъ, г. Миллеръ высказывается въ пользу предположенія, что царскіе и кочевые скиѳы принадлежали къ не-арійскому племени (Осет. эт. III, 121). Однако противъ перваго факта можно возразить предположеніемъ, что царскіе скиѳы, считавшіе своими рабами скиѳовъ кочевниковъ пасли свои стада въ безлѣсной странѣ, простиравшейся отъ рѣки Пантиканы до рѣки Герра, а скиѳы-кочевники были въ буквальномъ смыслѣ ихъ рабами, пастухами ихъ стадъ, а вовсе но отдѣльнымъ скиѳскимъ племенемъ. Это предположеніе, высказанное впервые, если я не ошибаюсь, Краутомъ [1]), представляется мнѣ очень вѣроятнымъ: дѣло въ томъ, что Геродотъ (IV, 62, 66) не разъ упоминаетъ объ отдѣльныхъ скиѳскихъ царствахъ, о начальникахъ отдѣльныхъ околодковъ и т. п.; извѣстный разсказъ его о похоронахъ царя (IV. 71) относится опять-таки къ скиѳамъ-кочевникамъ, рабамъ царственныхъ скиѳовъ, такъ какъ они названы отдаленнѣйшимъ народомъ, подвластнымъ царскимъ скиѳамъ, а жили они въ области Герра,

---

Нар. Просв., ч. 247, стр. 268—269. Ср. *Его же*, Осетинскіе этюды. Часть 3, стр. 79.

1) *C. Krauth.* Das Scythenland nach Herodotes. Jahrbücher für classische Philologie. 1890, стр. 1—25.

рѣки, которая на пути къ морю разграничивала земли скиѳовъ кочевниковъ и царственныхъ. Поэтому я думаю, что о политическомъ подчиненіи однихъ скиѳскихъ племенъ (западныхъ) другимъ (восточнымъ) Геродотъ не упоминаетъ нигдѣ: напротивъ, всѣ извѣстія о скиѳахъ, кончая даже мемуарами Августа на Анкирскомъ памятникѣ, говорятъ о царяхъ, а не о царѣ скиѳовъ. Точно также у Мемнона, писателя начала нашей эры, мы встрѣчаемъ упоминаніе о скиѳскихъ царяхъ въ слѣдующемъ отрывкѣ (Fragm. XV. XXX, 2), приведенномъ въ изданіи г. Гана: «Извѣстія древнихъ греческихъ иримскихъ писателей о Кавказѣ» (Тифлисъ, 1884) на стр. 94—95: «На войнѣ Митридатъ покорилъ также и царей, управляющихъ странами, прилегающими къ Фазису до склоновъ Кавказскихъ горъ, увеличилъ тѣмъ свое могущество и въ высшей степени хвастался этимъ. Поэтому римляне очень недовѣрчиво относились къ его намѣреніямъ и требовали, что онъ *скиѳскимъ царямъ* возвратилъ прежнія ихъ владѣнія, но онъ мало обратилъ вниманія на приказаніе ихъ и пріобрѣлъ въ союзники парѳянъ, мидянъ, царя Арменіи Тиграна, *скиѳскихъ царей* и царя иберовъ». Повидимому, здѣсь идетъ рѣчь не о скиѳахъ, населявшихъ въ это время нынѣшнюю Добруджу, но о жителяхъ области Сакасены, о которыхъ упоминаютъ Страбонъ и Плиній. Во всякомъ случаѣ, трудно понять, почему тѣ самые скиѳскіе цари, за которыхъ заступались римляне, оказались союзниками Митридата. Нельзя ли это недоумѣніе устранить при помощи гипотезы, что скиѳы, цари которыхъ упоминаются здѣсь какъ бы въ двухъ разныхъ мѣстахъ, и дѣйствительно жили въ разныхъ областяхъ: одни у Дуная, другіе у Куры. Изъ надписи № 185, помѣщенной въ сборникѣ г. Латышева: «Inscriptiones», т. I, мы знаемъ, что скиѳы, воевавшіе съ Митридатомъ Евпаторомъ, считались непобѣдимыми, что у нихъ въ центрѣ страны (ἐν μέσαν τὰν Σκυθάν), однако на Таврическомъ полуостровѣ, были крѣпости Неаполь и Хавеи. Здѣсь же мы видимъ и политическое дробленіе скиѳовъ: на Діофанта, полководца Митридатова, напалъ съ большой толпой скиѳ-

скій царь Πάλακος; будучи разбиты, они возстали, имѣя во главѣ Савмака, воспитанника и убійцу царя Перисада (τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθᾶν νεωτεριξάντων); такимъ же образомъ и во время Геродота скиѳы не представляли единаго политическаго цѣлаго. Слѣдовательно, если «западная часть скиѳской территоріи была освящена преданіемъ» настолько, что скиѳы-кочевники хоронили въ ней своихъ царей, то это происходило не изъ политической традиціи, не потому, что они питали уваженіе къ мѣстнымъ святынямъ и хоронили своихъ царей тамъ, гдѣ покоились, какъ думаютъ, прежніе властители подчиненной имъ области, а по какой-либо иной причинѣ, напримѣръ, благодаря единству этнографическому и религіозному, связывавшему всѣхъ скиѳовъ. Не даромъ Геродотъ подчеркиваетъ общность культовъ у скиѳовъ. Перечисливъ скиѳскія божества, онъ говоритъ: «эти божества почитаютъ у *всѣхъ* скиѳовъ, а такъ называемые царственные скиѳы приносятъ жертвы еще и Посейдону» (IV. 59). Въ слѣдующей главѣ историкъ прибавляетъ, что способъ «жертвоприношенія у *всѣхъ* скиѳовъ для всѣхъ божествъ одинъ и тотъ же». А это скорѣе ручается за этническое родство западныхъ и восточныхъ скиѳовъ, чѣмъ наоборотъ.

Что касается второго замѣчанія г. Миллера по поводу иранскаго характера легендарной пра-исторіи скиѳскихъ западныхъ племенъ въ отличіе отъ восточныхъ, то слабость этого возраженія прекрасно ощущается и имъ самимъ, потому что онъ не рѣшается *съ увѣренностью* выводить отсюда, что скиѳы кочевники отличались отъ западныхъ въ этническомъ отношеніи (Осет. эт. III, 130—131). Развѣ нельзя думать, что первыя двѣ легенды явленія совсѣмъ иного порядка, чѣмъ третья, лишенная фантастическаго элемента, и развѣ не возможно, что будь у скиѳовъ-кочевниковъ записана миѳическая исторія съ элементомъ фантазіи, она сразу оказалась бы отмѣченой иранизмомъ. Позднѣйшіе пришельцы, скиѳы восточные, сохранили болѣе живое воспоминаніе о своемъ прибытіи къ берегу Чернаго моря.

Изъ разсказа Геродота о походѣ Дарія на скиѳовъ, вообще

переполненнаго неясностями и прямыми небылицами[1]), слѣдуетъ съ полной очевидностью, что въ это время, по крайней мѣрѣ, скиѳы не составляли одного государства. Рѣчь идетъ только о царственныхъ скиѳахъ, которые рѣшили въ союзѣ съ савроматами, единственнымъ народомъ, отозвавшимся на ихъ призывъ къ борьбѣ съ Даріемъ, обороняться у рѣки Дона; однако и эта часть восточныхъ скиѳовъ была разбита на три отряда, находившіеся подъ главенствомъ царей Скопасиса, Иданѳирса и, вѣроятно, царя же Таксакиса.

Такимъ образомъ, если у насъ нѣтъ основанія, какъ мнѣ думается, утверждать, что западные и восточные скиѳы составляли одно политическое цѣлое, то должна быть какая-нибудь иная причина, почему Геродотъ такъ часто прибѣгаетъ къ термину: *скиѳскій*, говоря о народахъ, живущихъ, на первый взглядъ, разнымъ обычаемъ и принадлежащихъ, какъ полагаютъ многіе изслѣдователи, даже къ разнымъ расамъ. Геродотъ въ названіи *скиѳы* не видѣлъ географическаго термина, какъ его предшественники и черезъ нѣсколько вѣковъ послѣдователи. Еще Гекатей Милетскій называлъ меланхленовъ скиѳскимъ народомъ, можетъ быть, подчиняясь господствующему взгляду грековъ, не успѣвшихъ проникнуть въ глубь восточно-европейскаго материка и видѣвшихъ въ скиѳахъ его исключительное населеніе. Однако Геродотъ, рѣзко полемизировавшій со своими предшественниками (IV, 8, 36), точно разграничиваетъ скиѳовъ отъ другихъ племенъ и никоимъ образомъ не подразумѣваетъ подъ ними термина географическаго. Заявленіе Гекатея о скиѳской національности меланхленовъ онъ измѣняетъ весьма многозначительнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что меланхлены народъ не-скиѳскій, но только ведутъ скиѳскій образъ жизни (IV. 105). И, повидимому, Геродотъ чрезвычайно ясно представлялъ себѣ, что надо под-

1) Разборъ разсказа Геродота объ этомъ походѣ и попытка выяснить происхожденіе легендъ, съ нимъ связанныхъ, принадлежитъ *G. Mair*'у въ статьѣ: «Der Feldzug der Dareios gegen die Skythen» (Saaz. Programm. 1886, особ. стр. 17).

разумѣвать подъ этимъ послѣднимъ: скиѳскіе нравы, скиѳская одежда, наконецъ скиѳскій языкъ для него вполнѣ опредѣленныя величины, съ которыми онъ увѣренно оперируетъ при опредѣленіи не-скиѳской національности того или другого племени. Выше уже было отмѣчено, что онъ приписываетъ всѣмъ скиѳамъ одинаковые религіозные культы; что касается скиѳскаго быта, то по понятіямъ Геродота, обнаруженнымъ имъ въ описаніи Даріева похода, онъ сводится къ слѣдующему (IV. 97). Дарій переправился черезъ Дунай и намѣревался разрушить за собой мостъ, но его удержалъ отъ этого вождь митиленянъ, заявивъ царю, что онъ готовится вторгнуться въ такую страну, гдѣ онъ не найдетъ ни вспаханнаго поля, ни населеннаго города. Пусть разсказъ Геродота о походѣ Дарія допускаетъ какія угодно сомнѣнія, но несомнѣнно одно, что въ глазахъ нашего историка характерная скиѳская жизнь начиналась сейчасъ же за Дунаемъ. Это не противорѣчитъ и другимъ показаніямъ его: такъ, каллипиды и алазоны «ведутъ такой же образъ жизни, какъ и скиѳы, *но* хлѣбъ они сѣютъ и употребляютъ въ пищу». Къ сѣверу отъ алазоновъ обитаютъ скиѳы-пахари. Казалось бы, что здѣсь мы встрѣчаемся съ вполнѣ земледѣльческимъ населеніемъ, но вышеприведенное замѣчаніе Геродота объ употребленіи хлѣба въ пищу, какъ будто чуждомъ скиѳамъ, находитъ себѣ примѣненіе и въ описаніи жизни скиѳовъ-пахарей: они сѣютъ хлѣбъ «не столько для употребленія въ пищу, сколько для продажи» (IV. 17) [1]). По всей вѣроятности, то же населеніе скиѳовъ-зем-

1) Утверждая, что въ терминѣ *скиѳъ* кроется этнографическое объединеніе всѣхъ скиѳовъ, Рейхардтъ (Die Landeskunde von Skythien nach Herodot. Halle. 1889, стр. 103) дѣлаетъ интересное замѣчаніе: «грекъ могъ назвать γεωργοί только настоящихъ земледѣльцевъ; для обозначенія перехода отъ номадной къ земледѣльческой жизни онъ выбралъ характерное названіе ἀροτῆρες. Эти номады даютъ себѣ трудъ только взрыть почву и разбросать въ ней сѣмена, а остальное предоставляютъ благодѣтельной природѣ». Такимъ образомъ *земледѣльцамъ* скиѳамъ Рейхардтъ отводитъ только узкую полосу въ плодородной долинѣ Днѣпра.

Одно этнографическое цѣлое видитъ въ скиѳахъ и Ѳ. А. Браунъ; его соображенія см. въ «Разысканіяхъ въ области гото-славянскихъ отношеній»

ледѣльцевъ тянулось полосой и на западъ отъ Днѣпра, гранича съ юга и сѣвера съ иноплеменными народами. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Страбонъ, который, говоря, что иберы живутъ по обычаямъ скиѳовъ и сарматовъ, своихъ единоплеменниковъ, прибавляетъ: «но все же и эти послѣдніе иберы занимаются земледѣліемъ».

Такимъ образомъ я рѣшаюсь утверждать, что подъ скиѳами (восточными и западными безразлично) Геродотъ подразумѣвалъ отдѣльное племя съ однимъ жизненнымъ строемъ, однимъ языкомъ. Въ глазахъ Страбона скиѳы представляли одно этническое цѣлое. Иначе, нельзя было бы объяснить такихъ выраженій, какъ «Γῆλαι и Λῆγαι, народы скиѳскаго происхожденія» (XI, 5, IX, 1) или «сарматы (тоже *скиѳское* племя)» (XI, 2, 1). Плиній точно также говоритъ о народахъ «скиѳскаго племени», удинахъ, живущихъ гдѣ-то у Каспійскаго моря, на одномъ изъ заливовъ котораго тотъ же писатель помѣщаетъ и скиѳовъ: «первый заливъ называется скиѳскимъ, такъ какъ по обѣимъ сторонамъ его живутъ скиѳы, которые имѣютъ постоянныя сношенія между собой при помощи лодокъ; на западной сторонѣ живутъ кочевники и савроматы подъ разными названіями, а на восточной — абсои (absoi?), которые также различно называются. Направо отъ устья, на краю пролива, лежитъ страна удиновъ, скиѳскаго племени» (IV, 15. 3). Подъ abso'ями, несомнѣнно, подразумѣваются осетины, старое названіе которыхъ *овсы* сохранилось у грузинскихъ историковъ. Что касается этническаго содержанія имени *скиѳовъ*, то извѣстное замѣчаніе Плинія о томъ, что имя скиѳовъ переходитъ и на сарматовъ, и на германцевъ, позволяетъ думать, что онъ поступалъ осторожно, употребляя слово «скиѳы». Тѣмъ не менѣе, данныя Страбона и Плинія, привлеченныя къ разрѣшенію этнографическихъ вопросовъ относительно скиѳовъ,

(Спб. 1899), стр. 76 и сл. По мнѣнію O. Genest'a «Osteuropäische verhältnisse bei Herodot» (Quedlinburg. Programm. 1883), стр. 11, настоящими земледѣльцами были именно скиѳы ἀροτῆρες, а не γεωργοί, о земледѣліи которыхъ можно заключить только по имени. Это опровергается вышеизложеннымъ.

конечно, имѣютъ только второстепенное значеніе. У Іосифа Флавія, скиѳы — едва ли не этнографическій терминъ, синонимъ извѣстнаго кочевого быта: именно, въ этомъ только смыслѣ и можно, кажется, понять его опредѣленіе аланъ, какъ скиѳскаго племени (VII, 7, 4), опредѣленіе, въ которомъ есть однако большая доля правды: и тѣ, и другіе были иранскаго происхожденія. У Каспійскаго моря помѣщаетъ скиѳовъ (у береговъ и устьевъ его) и Діонисій Періегетъ, который знаетъ также скиѳскія равнины, гдѣ протекаетъ Танаисъ.

Такія тонкія замѣчанія, что андрофаги одѣваются по-скиѳски, но языкъ имѣютъ особенный; или что гелоны говорятъ одни по-скиѳски, другіе по-гречески, а будины, хотя ведутъ такой же образъ жизни, какъ и гелоны, но говорятъ на языкѣ особомъ, — эти замѣчанія показываютъ, что Геродотъ имѣлъ въ виду *одинъ*, а не нѣсколько скиѳскихъ языковъ, а это можно понять лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что скиѳы составляли одно культурное цѣлое, объединенное общностью языка, одежды, культа и быта. А такъ какъ савроматы «говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ» (IV. 117), то мы приходимъ дедуктивнымъ путемъ къ тому выводу, что скиѳскій языкъ былъ языкомъ иранскимъ, ибо иранство сарматовъ — фактъ, вполнѣ доказанный. Однако, этотъ выводъ ничуть не исключаетъ возможности того, что въ скиѳское этнографическое цѣлое входили элементы не сплошь иранскіе: страннымъ образомъ тѣ слова, которыя Геродотъ прямо выдаетъ за скиѳскія, хотя бы названія боговъ въ IV. 59, не объясняются изъ иранскихъ языковъ (Осет. эт. III, 132). Точно такими же не-иранскими оказываются имена царей изъ до-Геродотовскаго періода скиѳской исторіи, имена въ родѣ Σαύμος, Σκύλης, Γνούρος и др. Конечно, это вовсе не указываетъ на не-иранскій характеръ скиѳскаго языка, подобно тому, какъ названія славянскихъ божествъ въ родѣ Мокоши, Симарегла, Хорса, Велеса и даже Перуна или имена славянскихъ князей въ родѣ Бориса, Глѣба, Олега вовсе не говорятъ за то, что приверженцы этихъ боговъ и подданные

этихъ князей не были славянами и не говорили на славянскомъ языкѣ. Но, во всякомъ случаѣ, аналогія позволяетъ намъ думать, что и здѣсь мы встрѣчаемся съ элементомъ привноснымъ, съ той Importware, о которой упоминаетъ Крекъ. Остатки всевозможныхъ народностей, нѣкогда населявшихъ южную Россію, напр. киммерійцевъ, тавровъ, агаѳирсовъ, можетъ быть, даже ѳракійцевъ, подверглись, если можно такъ выразиться, оскиѳленію и усвоили скиѳскій языкъ и обычай. Поэтому вавилонская передача иранскаго имени скиѳовъ *saka*, которому на эламскихъ надписяхъ соотвѣтствуетъ *šakka*, черезъ этническое названіе *Gimirri* [1]), соотвѣтствующее греч. Κιμμέριοι, указываетъ не только на то, что скиѳы явились замѣстителями киммерійцевъ на занятой ими территоріи, но и на то, что киммерійцы слились со скиѳами до такой степени, что имя одной народности можно было перенести на другую. Покойный бар. Усларъ (въ сочиненіи: «Древнія извѣстія о Кавказѣ») прибѣгаетъ къ армянскому языку для объясненія Геродотова названія амазонокъ οἰόρπατα (οἰορ по-скиѳски *мужъ*, а πατα убивать).

Новѣйшее изученіе кавказскихъ языковъ, повидимому, обѣщаетъ обогатить насъ такими данными, которыя чрезвычайно ярко отмѣтятъ участіе въ скиѳской культурѣ цѣлаго ряда народностей, которыя имѣли своихъ представителей среди «варварскихъ» элементовъ Ольвіи и Танаиса. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько сопоставленій, сдѣланныхъ въ недавнее время г. Лопатинскимъ въ примѣчаніяхъ къ статьямъ мѣстныхъ кавказскихъ ученыхъ. Такъ, греческая надпись, найденная около Екатеринодара, но происходящая, по мнѣнію ея издателя, г. Сысоева [2]), изъ Горгиппіи или Танаида, и относящаяся по даннымъ эпиграфическимъ, къ III вѣку по Р. Х., содержитъ, кромѣ варварскихъ именъ, извѣстныхъ и по надписямъ, изданнымъ г.

---

1) *P. Hüsing* Die iranischen Eigennamen in den Achämenideninschriften. Norden 1897, стр. 42.

2) *В. Сысоевъ*. Греческія (и римскія) надписи. Сборникъ матер. для опис мѣстн. и плем. Кавк. XXII, 50 стр.

Латышевымъ, нѣсколько совершенно новыхъ именъ: въ томъ числѣ Βάγου (род. отъ Βάγης или Βάγος), Δάζει (им. Δάρεις), Θχήτλεις Νιχέκου. Какого бы ни была происхожденія эта надпись, которую, кажется, слишкомъ смѣло считать вывезенной изъ сравнительно дальней мѣстности только потому, что мѣстность ея нахожденія низменная и болотистая, и значитъ, врядъ ли могла служить для поселенія, для насъ важно то, что среди тѣхъ именъ, съ которыми мы встрѣчаемся и на танаидскихъ надписяхъ, и которые мы съ бо́льшей или меньшей долей вѣроятности можемъ отожествить съ иранскими, мы находимъ и такіе элементы, которые уже не могутъ считаться иранскими. Заслуга разъясненія нѣкоторыхъ изъ нихъ принадлежитъ г. Лопатинскому въ примѣчаніяхъ къ статьѣ г. Сысоева. Такъ, странно звучащее имя Θχήτλεις объясняется изъ кабардинскаго нарѣчія, гдѣ тхiлъытх́ значитъ *писецъ*; отчество этого лица Νιχέκου образовано отъ корней: *нехў* «ясный, свѣтлый» и *ко* «сынъ». Привожу другія толкованія г. Лопатинскаго: «Δάζει можетъ быть произведено отъ черк. гл. *дезен* подбрасывать, подкидывать, стало быть — подбрасывающій», съ именемъ Βάγου сопоставляется фамильное названіе узденей *Бако́* (по-русски *Баговъ*) и народца *баговцевъ*, абазинскаго племени, жившаго въ трехъ небольшихъ селеніяхъ на верховьяхъ р. Ходзъ. Далѣе, грузинскими и армянскими именами г. Лопатинскій объясняетъ еще нѣсколько именъ, встрѣченныхъ доселѣ на надписяхъ Босфорскаго царства. Таково имя Ζαζζοῦς, сравниваемое не только съ родовымъ именемъ западной вѣтви курдскаго народа *заза*, но и съ употребительнымъ прежде, да и теперь, у грузинъ личнымъ именемъ *Заза*; Σαμβατίων до сихъ поръ сохранилось у армянъ въ формѣ *Смбат*, извѣстно у адербейджанскихъ татаръ и у грузинъ; Ἀταμάζας = *Адамидзе*, отчество, сохранившееся въ Грузіи до настоящаго времени и произведенное отъ *адат* (человѣкъ). Въ другомъ мѣстѣ [1]) г. Лопатинскій дѣлаетъ попытку

1) Сборн. матер. и т. д., т. XXI, стр. 77—78.

разъясненія географическихъ названій съ помощью кавказскихъ языковъ. Если мы вспомнимъ, какой дурной славой пользовалось сарматское болото (Азовское море?), черезъ которое отъ зловонія не могла пролетѣть ни одна птица, какъ разсказываетъ Каллимахъ (ок. 260 — 230 г.) со словъ какого-то Гераклида [1]), то насъ не удивитъ разъясненіе греческаго названія Азовскаго моря Μαιῶτις или Μαιῆτις λίμνη, предложенное г. Лопатинскимъ. По его гипотезѣ, составныя части этого слова сохранились въ языкѣ адыговъ въ формахъ: *меі* вонь и *jате* болото, тина, лужа, такъ что все слово означаетъ «вонючую лужу». Такого же адыгскаго происхожденія имя народа *псесы* (ψησσοί), о которомъ говоритъ одна босфорская надпись, упоминаютъ Аполлодоръ и Плиній. Дѣло въ томъ, что «рѣка Кубань по-адыгски называется *Псыз*»; *псы* въ этомъ языкѣ имѣетъ значеніе *воды*, *рѣки*, и отъ него же произведено названіе рѣки Ψάτης на азіатскомъ берегу Босфорскаго царства [2]).

Эти факты показываютъ, что, кромѣ иранцевъ, по близости отъ Танаиса жили въ ту эпоху, къ какой относятся надписи, послужившія матеріаломъ для изслѣдованій Вс. Миллера, еще элементы не-иранскіе, грузины, адыги, армяне и др. Это необходимо принять въ расчетъ при изученіи варварскихъ именъ. Сношенія грековъ съ Кавказомъ относятся къ эпохѣ, чрезвычайно далекой, а на торговый характеръ этихъ сношеній въ предѣлахъ Кавказа указываютъ разнообразныя данныя, связанныя съ городомъ Діоскуріей, лежавшимъ на Колхидскомъ берегу. Этотъ городъ, извѣстный уже Скилаксу, служилъ во времена Страбона весьма важнымъ торговымъ центромъ «для живущихъ выше и по сосѣдству съ нимъ народовъ». «Говорятъ, — продолжаетъ Страбонъ (XI, 2, 16), — что тамъ собирается 70 (по другимъ, которые ме-

---

1) *К. Ганъ.* Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Ч. I. Тифлисъ. 1884, стр. 43.

2) Съ этимъ ср. *Псыхужъ*-рѣка въ Кабардѣ (бѣлая рѣка), у русскихъ извѣстная подъ именемъ Бѣлой. *Е. Вейденбаумъ.* Матеріалы для ист.-географ. слов. Кавказа. Ч. I, 30. Сб. мат. XX.

нѣе правдивы, даже 300) народовъ; всѣ они говорятъ на различныхъ языкахъ, такъ какъ довольствуются своей обособленностью и, вслѣдствіе своей дикости, живутъ замкнуто, не сообщаясь съ другими. Большею частью они сарматы, но они всѣ народы Кавказа». Плиній выдаетъ намъ источникъ Страбона, который въ глазахъ этого послѣдняго принадлежалъ къ числу «менѣе правдивыхъ». Когда Плиній писалъ свою исторію, этотъ городъ былъ уже опустошенъ, но «прежде былъ такъ извѣстенъ, что, по словамъ Тимосѳена, тамъ собиралось до 300 народовъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ, и впослѣдствіи еще мы (римляне) вели тамъ свои дѣла съ помощью 130 переводчиковъ» (H. N. VI. 5, 1). Благодаря выгодному положенію города невдалекѣ отъ устьевъ Ріона, греки могли уже рано проникнуть въ глубь Кавказа: *о множествѣ* народовъ, живущихъ на Кавказскихъ горахъ, о большихъ горныхъ озерахъ знаетъ уже Аристотель (Meteorolog. I. 13), а Эратосѳенъ, по словамъ Страбона, былъ настолько знакомъ съ географіей Кавказа, что замѣтилъ, что «отъ горы Каспія проходитъ гористая дорога изъ Колхиды къ Каспійскому морю». Въ области греческихъ миѳовъ мы встрѣчаемся съ миѳомъ о Фриксѣ, который поражаетъ своей, такъ сказать, спеціально кавказской окраской. Докторъ Пфафъ въ своей статьѣ: «Матеріалы для древней исторіи осетинъ» [1]) выразилъ даже предположеніе, будто «изъ сказаній о нартѣ Батѵрасѣ явствуетъ, что праотцы осетинъ имѣли сношенія съ древними греками, въ ту отдаленную эпоху, когда оба эти народа жили еще въ Азіи,— иначе не могло бы быть сходства въ основной идеѣ сказанія о Батѵрасѣ со сказаніемъ о Прометеѣ». Однако врядъ ли это не увлеченіе: та близость, на которую намекаетъ Пфафъ, не идетъ, насколько я, по крайней мѣрѣ, знаю, далѣе обычной близости, существующей между родственными «бродячими» сюжетами. Легенда о Фриксѣ въ этомъ отношеніи интереснѣе. Прежде всего знаменательно, что первый писатель,

---

1) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Т. IV. Тифлисъ. 1870.

подробно разсказывающій о Фриксѣ, Аполлоній Родосскій, авторъ «Аргонавтики». Вотъ это мѣсто изъ «Аргонавтики» въ переводѣ г. Гана: «Какой-то эолійскій Фриксъ пріѣхалъ изъ Греціи въ Азію; объ этомъ вы и сами, навѣрное, раньше знали; Фриксъ пріѣхалъ въ городъ Айэта [1]) на баранѣ, котораго Гермесъ сдѣлалъ золотымъ». Дальнѣйшій разсказъ, повѣсть о приключеніяхъ Фрикса въ землѣ Колхидской, не представляетъ здѣсь интереса, такъ какъ я имѣю въ виду прежде всего отмѣтить ту связь, которую миѳъ о Фриксѣ устанавливаетъ между этимъ послѣднимъ и бараномъ. Не довольствуясь тѣмъ, что Фриксъ ѣхалъ на баранѣ или, какъ говорили нѣкоторые уже во времена Діодора Сицилійскаго, «плылъ на кораблѣ, имѣвшемъ на носу изображеніе барана», этотъ послѣдній былъ связанъ съ миѳомъ посредствомъ раціоналистической прибавки воспитателя Фрикса, Крія (барана), кожа котораго послѣ смерти была вызолочена и прибита въ храмѣ (Діод. Сицил. IV, 47). Важно то, что культъ Фрикса, съ храмомъ на границѣ Иберіи и Колхиды (Страб. I, 2, 39), равно какъ и культъ Язона, съ храмами, «которые встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Арменіи, Мидіи и сосѣднихъ странъ», былъ широко распространенъ въ предѣлахъ Малой Азіи: о слѣдахъ похода Фрикса и Язона говорили, по словамъ Страбона, у береговъ Синопы, вокругъ Пропонтиды и Геллеспонта до острова Лемноса. Тацитъ (Annal. VI, 34), подтверждая разсказъ своего предшественника, дѣлаетъ очень знаменательное добавленіе къ нему, говоря, что имя Язона такъ же, какъ и оракулъ Фрикса, пользуются большой извѣстностью въ Колхидѣ, гдѣ культъ барана былъ національнымъ явленіемъ. «Никто изъ нихъ не согласится», говоритъ Тацитъ: «принесть въ жертву барана, потому что вѣрятъ, будто Фриксъ ѣздилъ на немъ».

Вотъ нѣсколько важныхъ, на мой взглядъ, данныхъ, подтвер-

1) Здѣсь Страбонъ дѣлаетъ важное примѣчаніе: «всѣ вѣрятъ, что царь Айэтъ царствовалъ въ Колхидѣ, гдѣ имя это до сихъ поръ еще въ употребленіи» (тамъ же, 56).

ждающихъ мою мысль о какой-то странной близости между Фриксомъ и бараномъ и позволяющихъ судить о туземномъ кавказскомъ происхожденіи одного изъ древнѣйшихъ греческихъ миѳовъ. Однако самое интересное мѣсто я сберегъ подъ конецъ, потому что едва-ли не въ немъ заключается ключъ къ разрѣшенію этой загадки. Такъ наз. Псевдо-Плутархъ, жизнь котораго относятъ ко II-му вѣку по Р. Х., разсказываетъ, что надъ рѣкой Дономъ подымается гора, на туземномъ языкѣ называемая *Вриксава* (Βριξάβα), что значитъ: «рогъ барана». Она получила это названіе по слѣдующей причинѣ. Фриксъ, потерявши въ Черномъ морѣ свою сестру Геллу и, естественно, очень огорченный этимъ, остановился на вершинѣ одной горы. Когда его увидѣли тамъ нѣкоторые варвары и вооруженные поднялись туда, баранъ съ золотымъ руномъ, осмотрѣвшись кругомъ и замѣтивъ толпу приближавшихся, разбудилъ человѣческимъ голосомъ спящаго Фрикса и унесъ его къ Колхамъ, а холмъ вслѣдствіе того получилъ названіе «лобъ барана». Тамъ растетъ трава, которую варвары называютъ φρίξα. Если разбирать это слово, то оно значитъ: «ненавидящій злыхъ». Она похожа на руту; если она достанется дѣтямъ отъ перваго брака, то мачехи никакого вреда имъ причинить не могутъ». Узкая спеціальность травы φρίξα внушаетъ мысль о связи ея чудодѣйственной способности съ миѳомъ о Фриксѣ, который, какъ извѣстно, пострадалъ отъ козней своей мачехи Ино. Такимъ образомъ, по моему, было бы совершенно несправедливо раздѣлять имена Фрикса и этой травы φρίξα, но также рискованно отдѣлять и гору *Вриксаву* (κριοῦ μέτωπον) отъ имени колхидскаго героя. Послѣднее слово, названіе горы, послужило г. Вс. Миллеру, который сравнилъ его съ осет. ўäрiгк-сiўä—рогъ барашка [1]), однимъ изъ доказательствъ того, что въ эпоху псевдо-Плутарха осетины доходили до Дона. Съ именемъ

---

1) Въ «Русско-Осетинскомъ словарѣ» Іосифа, еп. Владикавказскаго, 1884, находимъ: *ягненокъ-ўæрrік, орrı*, но *роr-ска* и *рожокъ-сrка*. Если *сiўä* г. Миллера и *сrка* еп. Іосифа одно и то же слово, то на чьей же сторонѣ ошибка? У Шёгрена нѣтъ ни того ни другого слова.

Ἰάσων, кажется, возможно сопоставить горгиппійское имя Ἰας, которое въ настоящее время предполагается В. В. Латышевымъ на трехъ надписяхъ (Древности Южной Россіи № 17. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ Южной Россіи въ 1892—94 годахъ, стр. 69), и имя Ἰάσων (изъ Херсонеса Таврическаго ibid., стр. 15).

Я не буду дѣлать попытокъ этимологическаго объясненія словъ Φρίξος, Φρίξα (которое никакъ не можетъ значить *ненавидящій злыхъ*) и Βριξάβα. Если родство этихъ словъ достаточно обосновано предшествовавшими разсужденіями, то мы имѣемъ передъ собой свидѣтельство о древнихъ культурныхъ связяхъ, соединявшихъ народы Кавказа, съ одной стороны, между собой и, съ другой стороны, съ греками, греческими колонистами. У того же Аполлонія Родосскаго, автора «Аргонавтики», гдѣ мы впервые встрѣчаемъ миѳъ о Фриксѣ и чуть-ли не самое имя его, находимъ любопытное подтвержденіе этого предположенія. Аргонавты «пріѣхали къ широкой рѣкѣ Фазису, къ крайнимъ предѣламъ Понта». Они поплыли по этой рѣкѣ, «налѣво отъ нихъ поднимался высокій Кавказъ и лежалъ городъ Айэта, ἡ Κυταιΐς πόλις, направо же-поле Арея» и т. д. (Ганъ, 48). Много лѣтъ спустя, Стефанъ Византійскій вспомнилъ о колхидскомъ городѣ *Кутѣ*, гдѣ родилась будто бы Медея, и назвалъ ея жителей именемъ *Кутайосъ*. Право первенства на сторонѣ Аполлонія, а его городъ Κυταιΐς напрашивается на сравненіе съ современнымъ *Кутаисомъ*, который лежитъ какъ разъ на правомъ берегу Ріона, т. е. налѣво отъ ѣдущихъ вверхъ по рѣкѣ. Что касается возможности переживанія имени города, то, кромѣ лежащихъ сравнительно неподалеку Трепизонта и Синопа, укажу еще на крѣпость Σαραπανά, до которой былъ судоходенъ, по словамъ Страбона, тотъ же Фазисъ, и которая по грузинскимъ источникамъ называется *Шарапани*[1]), городъ на одномъ изъ притоковъ Ріона. Названіе *Эривани* восходитъ къ еще болѣе отдаленной эпохѣ,

---

1) См. карту послѣ 64-ой стр. Сборн. Мат. т. XXII (1897).

лѣтъ за 700 до Р. Х. М. В. Никольскій, ученый издатель клинообразныхъ надписей Закавказья[1]), отождествляетъ съ именемъ и мѣстоположеніемъ нынѣшней Эривани ту *Eriaini*, о которой идетъ рѣчь въ одной изъ надписей врага Саргона, урартскаго героя Русы[2]), а въ качествѣ «одного изъ поразительныхъ примѣровъ той цѣпкости, съ какой могутъ удерживаться многія тысячелѣтія одни и тѣ же географическія названія, несмотря на громадныя этнографическія и политическія перемѣны», онъ приводитъ («Древн. Вост.» I, 388) тотъ фактъ, что «и по сіе время часть Арменіи въ предѣлахъ Эриванской губерніи называется у Армянъ *Айраратскою областью*», что соотвѣтствуетъ ассирійскому названію этой страны *Урарту*, еврейскому *Араратъ* и греческому Ἀλαρόδες. «Что же касается до горы Арарата,—замѣчаетъ г. Никольскій,— то ея названіе очевидно позднѣйшаго, а именно христіанскаго происхожденія вслѣдствіе перенесенія на ту гору сказанія книги бытія о всемірномъ потопѣ».

Предшествующія разсужденія имѣли въ виду двѣ мысли. Если греки еще въ III вѣкѣ до Р. Х. знали внутренній Кавказъ и вели обширную торговлю съ ея народами черезъ городъ Діоскурію, то ихъ сношенія могли привести къ культурному обмѣну Кавказа съ Европой, создать торговые пути черезъ Кавказскіе хребты, по которымъ съ юга на сѣверъ и обратно могла распространяться однообразная культура, оставившая свои отслоенія и въ культурномъ инвентарѣ, и въ словарѣ припонтійскихъ иранцевъ, а оттуда проложившая дорогу на сѣверъ, къ литовцамъ и финнамъ. Если торговлей съ греками былъ пробужденъ предпріимчивый духъ грузинъ, то и эти послѣдніе могли пускаться въ самостоятельныя морскія предпріятія, могли заѣзжать въ Азовское море, могли оставить и свои имена въ спискѣ архонтовъ, чиновниковъ и жителей Танаиса, Горгипы и др. городовъ Бос-

---

1) Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. V. Москва, 1896, стр. 98—99.

2) О немъ см. статью *М. В. Никольскаго*: «Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ Россіи» въ «Древностяхъ Восточныхъ» т. I. М. 1893, стр. 412—414.

форскаго царства. Къ сожалѣнію, пока еще отъ этой серіи «возможностей» цѣлая пропасть до достовѣрностей. Младенческое состояніе грузинской филологіи не даетъ изслѣдователю ни нити, чтобы онъ могъ пробраться по лабиринту этихъ трудныхъ, но важныхъ вопросовъ, ни прочныхъ фактовъ, на которыхъ онъ могъ бы стать твердой ногой. Отсутствіе критической провѣрки грузинскихъ источниковъ (припомнимъ постоянный споръ относительно достовѣрности Картлисъ - Цховреба), недостаточность научныхъ пособій для изученія этого языка, не говоря уже о выясненіи его основныхъ и заимствованныхъ элементовъ, не позволяютъ осторожному изслѣдователю ни одного шага къ разрѣшенію поставленныхъ выше задачъ [1]). Между тѣмъ изъ Діоскуріи въ Кавказскія горы шла соль изъ Пантикапеи, которая сама брала съ Кавказа шкуры. По словамъ Бакрадзе [2]), остатки греческихъ архитектурныхъ памятниковъ покрываютъ нынѣшнюю Абхазію, Мингрелію, Гурію, Верхнюю Имеретію и перевалъ тебердинскій на Кавказѣ. По его убѣжденію, греческія колоніи въ Колхидѣ «имѣли въ краѣ два торговыхъ тракта: одинъ вверхъ по Кодору и потомъ черезъ хребетъ по Тебердѣ, путь и нынѣ усѣянный руинами греческихъ построекъ, другой по Фазу на Кутаисъ, Сарапану или грузинскій Шарапани, Сурамскій перевалъ, Карталинію, Мцхетъ, Тифлисъ и далѣе». Доказательство всего этого предстоитъ будущему.

Перехожу къ другой мысли, которую я имѣлъ въ виду, говоря о миѳѣ о Фриксѣ. Если удастся констатировать близость извѣстныхъ культовъ у сѣверно- и южно-кавказскихъ племенъ, то мы получимъ право говорить о нѣкоторомъ единствѣ всей кавказской культуры, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ особенно дикихъ племенъ, въ родѣ чеченцевъ и лезгиновъ, изъ кото-

---

1) Только изслѣдованіе варварскихъ именъ прольетъ свѣтъ на эту темную область; имя Ἀρμάθης, найденное на одной изъ старыхъ надписей, несомнѣнно—грузинское *Armaz*.

2) О до-исторической археолсгіи вообще и Кавказской въ особенности. Тифлисъ. 1877, стр. 43.

рыхъ послѣдніе были, впрочемъ, извѣстны грекамъ во времена Страбона. Мнѣ кажется, что Краутъ [1]) достаточно вѣско отмѣтилъ ту связь, которая еще раньше Геродота соединяла сѣверные кавказскіе народы съ болѣе южными, въ рукахъ которыхъ находились кавказскіе проходы. Исходя изъ извѣстнаго разсказа Геродота (IV, I) о томъ, что скиѳы, возвращаясь послѣ 28-лѣтняго пребыванія въ Мидіи, встрѣтились на родинѣ съ многочисленнымъ вражескимъ войскомъ, происшедшимъ отъ связей ихъ женъ съ рабами, Краутъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что скиѳы могли пройти всѣмъ войскомъ черезъ Кавказъ (впередъ они шли по правой сторонѣ его (Гер. IV, 12), т. е. вдоль Чернаго моря, гдѣ живутъ болѣе культурныя племена абхазцевъ, черкессовъ, убыховъ [2]), мингрельцевъ и грузинъ) только при одномъ условіи, если кавказскіе проходы не были въ рукахъ ихъ враговъ.

Итакъ, въ спискахъ варварскихъ именъ не будетъ чудомъ встрѣтить имя грузинскаго или черкесскаго происхожденія, какъ не должно насъ удивлять, если мы встрѣтимся и съ финскимъ именемъ. Но рядомъ съ элементами сравнительно новыми мы можемъ встрѣтить и имена, восходящія къ очень глубокой древности: это имена семитическія, ассирійскія и еврейскія. Для того, чтобы объяснить возможность появленія первыхъ, приходится коснуться древнѣйшей исторіи скиѳовъ, на которую проливаютъ яркій свѣтъ новѣйшія открытія ассиріологовъ. Подъ конецъ царствованія ассирійскаго царя Саргона царство Урарту подверглось сильнѣйшему давленію со стороны сѣверныхъ пришельцевъ, киммерійцевъ. На оракулахъ, обращенныхъ къ богу солнца, киммерійцы, а равно ашкузеи, сапарда, мидяне являются въ союзѣ съ маннеями постоянными зачинщиками недоброжела-

---

1) Fleckeisens Jahrbücher für class. Philol. 1890, стр. 15.

2) Въ странѣ убыховъ Берже упоминаетъ о городѣ *Вардане*, торговой пристани всего племени. Это названіе напоминаетъ какъ иранскія личныя имена *Вардамъ*, такъ и осетинское названіе Кубани *Вардамъ*. Или это случайное созвучіе? *Ад. Берже.* Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ (написано въ 1858 г.).

тельныхъ Ассиріи дѣйствій на берегахъ озера Уруміи, и Ассаргадону пришлось хорошо познакомиться съ киммерійцами и ашкузеями. «По малоазіатскимъ извѣстіямъ, подтверждаемымъ указаніями Ассурбанипала, мы знаемъ, — говоритъ Винклеръ [1]), — что киммерійцы были оттѣснены на западъ; согласно Геродоту, ихъ отодвинули скиѳы. Новѣйшія находки убѣждаютъ насъ въ томъ, что показанія малоазіатскихъ грековъ о движеніи киммерійцевъ заслуживаютъ довѣрія» (здѣсь Винклеръ, равно какъ Сэйсъ и Марквардтъ, отождествляетъ ассирійское названіе вождя киммерійцевъ, Tugdammí, съ именемъ, сохраненнымъ, хотя и съ опиской, Страбономъ, именно съ Λύγδαμις, вмѣсто котораго слѣдуетъ читать Δύγδαμμις; разсказы объ этихъ лицахъ у ассирійцевъ и Страбона также почти совпадаютъ). Уже съ помощью извѣстныхъ ранѣе пособій мы установили, продолжаетъ Винклеръ, что киммерійцы на азіатской почвѣ прежде всего должны были столкнуться съ Урарту, а значитъ старались утвердиться вокругъ озера Ванъ, тогда какъ болѣе къ востоку, на озерѣ Урумія, ашкузы (aškuza) надвигались на царство Манъ. Новѣйшія находки подтверждаютъ это и бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на частности. Среди солнечныхъ оракуловъ попались два экземпляра, рисующія отношенія Ассаргаддона къ ашкузамъ. Въ первомъ изъ нихъ выражается опасеніе, какъ бы ашкузы, живущіе въ предѣлахъ области Манъ, стоявшей въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Ассиріи, не совершили вторженія въ страны Ассиріи. Съ этимъ оракуломъ авторъ приводитъ въ связь одно мѣсто изъ надписей Ассаргадона, гдѣ этотъ послѣдній хвалится тѣмъ, что онъ «разсѣялъ маннеевъ, непокорныхъ кутеевъ [2]), разбилъ пол-

---

1) Его статья: «Kimmerier, Ašguzäer, Skythen» въ «Altorientalische Forschungen». I, 1897, стр. 484—496. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я также пользуюсь этой статьей, указаніемъ на которую обязанъ любезности Б. А. Тураева.

2) «Ḳutû ein Kutäer, d. h. einer von den unbotmässigen Nordvölkern, ein Barbar (heute würde es heissen: ein Kurde); der Sinn immer noch nicht erkannt, стр. 486 прим. 2. Въ видѣ робкой догадки рѣшаюсь сопоставить съ этимъ именемъ ḳutû этническое названіе, сохраненное намъ классическими писателями: Κυταῖος, житель города Куты, родины Медеи (Стеф. Визант.), Κύταια у Евстафія, ἐπ' ἠπείροιο Κυταΐδος и ἡ Κυταιῒς πόλις у Аполлонія Родосскаго. Напоминая

чища ашкуза Jšpakai, союзника, который не могъ имъ помочь». Это мѣсто Винклеръ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что маннеи, въ странѣ которыхъ засѣли ашкузы, примкнули или были принуждены примкнуть къ этимъ послѣднимъ, чтобы совершить нападеніе на ассирійскую область, гдѣ и потерпѣли пораженіе. Вождемъ ашкузовъ здѣсь названъ Jšpakai, но былъ-ли онъ предводителемъ одного только полчища ашкузовъ, или палъ въ битвѣ съ ассирійцами, но только въ другомъ оракулѣ *царемъ* ашкузовъ названъ уже Bartatua. Этотъ царь, имя котораго замѣчательно совпадаетъ съ Геродотовымъ грецизированнымъ именемъ Προτοθύης (Μαδυης Προτοθυεω παις. Her. I. 103), посватался къ дочери Ассаргадона, который и вопрошаетъ бога солнца о томъ, будетъ-ли ему вѣрнымъ другомъ новый зять. Имя народа пишется двояко: aš-gu-za-ai (надпись Ассаргаддона) и iš-ku-za-ai (оракулъ). Откинувъ начальный гласный, приставленный по семитическимъ законамъ къ группѣ согласныхъ въ началѣ слова, мы получаемъ форму škûz, которая соотвѣтствуетъ греческому названію скиѳовъ: Σκῦθαι. По извѣстному разсказу Геродота, скиѳы начали тѣснить киммерійцевъ не при Бартатуа, но при его

то, что я говорилъ выше о миѳѣ Фрикса, его общекавказскомъ распространеніи и связи съ городомъ Кутаисомъ, я позволяю себѣ высказать догадку относительно того, что старое названіе одной изъ 16 провинцій Дуруперана, который на югъ простирался до озера Вана и Курдскихъ горъ, именно названіе khouth стоитъ въ связи какъ съ ассирійскимъ kutû, такъ и съ греческимъ Κυτα. Весьма многозначителенъ тотъ фактъ, что имена этой провинціи khouth, (khoïth, или khothadsor) происходятъ, по категорическому заявленію С. Мартена Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie T. I. 1818, p. 98—(100), отъ имени горы *Кута* (Khoutha), «qui étoit dans son voisinage». Племя *Кутаръ* упоминается въ житіи св. Нарзеса, патріарха армянскаго, въ качествѣ союзниковъ персидскаго царя Сапора вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ закавказскихъ народностей (Langlois. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie T. II. 1869. стр. 34; ср. т. I, стр. 266, гдѣ въ исторіи Фауста Византійскаго Эминъ указываетъ и варіантъ *Куторъ* къ формѣ *Кутаръ*). Царевичъ Вахуштъ называетъ Кутаисъ *Кутатиси* (Brosset, Description géographique de la Géorgie. 1842, стр. 372—373), но, повидимому, въ грузинскихъ же источникахъ встрѣчается и варіантъ *Кутаиси* (см. уже упомянутую карту). Во всякомъ случаѣ форма *Кутатиси* какъ бы указываетъ на то, что она происходитъ изъ двухъ частей: *Кута* и *тиси*.

сынѣ Мадуѣ. По остроумному замѣчанію Винклера, Геродотъ могъ бы поразсказать еще кое-что о Прототуѣ и его царствѣ: «иначе было бы совершенно непонятно упоминаніе объ отцѣ при имени Мадуя».

Не вдаваясь въ подробное изложеніе чрезвычайно интересной статьи Винклера, ограничусь указаніемъ на то, что скиѳы вошли въ тѣсный союзъ съ ассирійцами и съ Лидіей, которую давили киммерійцы, тогда какъ эти послѣдніе были вынуждены въ силу вещей держаться царства Урарту, исконнаго врага Ассиріи. И вотъ царь Урарту, Сардури, въ концѣ концовъ призналъ гегемонію Ассиріи, а киммерійцы совсѣмъ подвинулись на западъ и исчезли изъ виду исторіи, подвергнувшись, по всей вѣроятности, ассимиляціи съ ассирійцами. По мнѣнію Винклера, это произошло около 640 года; скиѳы уже вполнѣ были на сторонѣ ассирійцевъ, и въ новыхъ возстаніяхъ противъ нихъ уже не упоминается объ участіи ашкузовъ. Новымъ доказательствомъ сильнаго ассирійскаго вліянія на скиѳовъ служитъ повѣствованіе Геродота о поведеніи этихъ послѣднихъ во время нападенія Кіаксара на Нинevію. «Когда послѣ побѣды надъ ассирійцами Кіаксаръ осаждалъ Нинъ, появилось большое скиѳское войско подъ предводительствомъ царя Мадіи, сына Протоѳіи» (I. 103, переводъ г. Мищенки, какъ и въ другихъ цитатахъ изъ Геродота). То, чтò затѣмъ разсказываетъ Геродотъ, обычное въ его манерѣ отступленіе о предварительной исторіи скиѳовъ въ Азіи; продолженіе повѣствованія о встрѣчѣ Кіаксара со скиѳами начинается только со 106-ой главы, какъ на это указываетъ и Винклеръ. «Кіаксаръ и мидяне пригласили ихъ однажды на пиръ, напоили и перебили. Такъ мидяне спасли царство и снова пріобрѣли власть такую, какая у нихъ была прежде; кромѣ того, они покорили нынѣ и подчинили себѣ ассирійцевъ за исключеніемъ вавилонской области». Прямой выводъ, который отсюда можно сдѣлать, тотъ, что взятіе Ниневіи было тѣсно связано съ побѣдой надъ скиѳами, и что скиѳы дѣйствовали сообща съ ассирійцами. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Э. Мюллера,

будто скиѳы, подобно потопу, хлынули на города Ассиріи, грабя и разоряя ея и вызвавъ этимъ ея паденіе[1]). Это мнѣніе, основанное, между прочимъ, на предположеніи, будто скиѳы (тѣ же *готы*!) называли сами себя *Manda*, а у ассирійцевъ были извѣстны подъ именемъ *umman Manda* (орда Манда) или Gimirai, опровергаетъ себя само, разъ доказано, что *manda*, которое на надписи Ассурбанипала (Винклеръ, I, 492) означаетъ народъ царя Тугамми́, или киммерійцевъ, ассирійцы подразумѣвали вовсе не *скиѳовъ* (противъ чего говоритъ и свидѣтельство Геродота), а вообще варварскіе народы сѣверо - востока, въ томъ числѣ — въ архаистическомъ словоупотребленіи — и мидійцевъ[2]); поэтому Астіагъ (Jštuwiga), сынъ Кіаскара, названный на надписи (Набонида) *мандой*, былъ вовсе не скиѳомъ и не киммерійцемъ, а именно мидійцемъ, за котораго его выдаетъ и Геродотъ.

То, что̀ важно для интересующаго меня вопроса, сводится къ установленію культурной связи между Ассиріей и скиѳами, которую Винклеръ (Altorient. Forsch. II, 104) относитъ уже къ 680—670 годамъ до Р. Х.; на чемъ основано предположеніе Юсти (тамъ же, 412), будто послѣ своего пораженія со стороны Кіаксара множество скиѳовъ перешло въ мидійскія войска, я не знаю; по крайней мѣрѣ, самъ Юсти, весьма точный въ своихъ библіографическихъ указаніяхъ, не даетъ въ этомъ важномъ мѣстѣ никакой ссылки. Между тѣмъ, если бы была какая-нибудь возможность установить этотъ фактъ, мы видѣли бы одинъ изъ источниковъ иранскихъ именъ среди скиѳовъ, источникъ, на который ссылается и г. Вс. Миллеръ[3]). Самъ Геродотъ говоритъ

1) Крайне некритическая замѣтка этого автора: «Das Ende Assyriens» помѣщена въ журналѣ: «Zeitschrift für Assyriologie», т. 13, 1899, стр. 325—327. Такого же мнѣнія о вредной дѣятельности скиѳовъ въ Ассиріи держится и Юсти въ «Grundriss der iranisch. Philol.» II (1897), 412.

2) *N. Winckler*, Altorient. Forsch. II, 1898, стр. 140.

3) Ср. Эпиграф. слѣды иранства, стр. 280. Въ «Осет. этюд.» (III, 136) г. Вс. Миллеръ говоритъ объ этомъ такъ: «если мы вспомнимъ, что скиѳы въ VII вѣкѣ своими толпами обрушились на Мидію и Малую Азію и прохозяйничали тамъ чуть-ли не въ теченіе цѣлаго поколѣнія, что съ азіатскими скиѳами (саками) не мало воевалъ и Киръ,... что Дарій Гистаспъ называетъ саковъ

только о возвращеніи скиѳовъ на родину послѣ тяжкой борьбы съ мидійцами.

Въ 1898 году Фр. Гоммель сдѣлалъ смѣлую попытку объяснить изъ иранскаго языка извѣстную часть гетитскихъ и вообще малоазіатскихъ и даже израильскихъ личныхъ и географическихъ именъ [1]). Правда, его методъ оставляетъ желать очень многаго. Уже въ самомъ началѣ своей статьи авторъ, вслѣдъ за своими предшественниками, Баллемъ и Ленорманомъ, сопоставляетъ гетитское имя *Kundašpi* (854 г. до Р. Х.) съ иран. *Gundâsp* = *Viñdâçpa* и гетитское *Kuštašpi* (740 г. до Р. Х.) съ иран. *Gustâsp* = *Vistâçpa*. Не отрицая того, что во второй части этихъ именъ -*asp* скрывается нѣчто напоминающее иран. *aspa*(конь), я обращу вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, ярко рисующій методъ Гоммеля и его предшественниковъ, что формы *Gundâsp* и *Gustâsp* сравнительно поздняго, уже ново-персидскаго происхожденія, тогда какъ еще въ пехлеви сохранились имена *V(i)štāsp*, откуда старшее армянское заимствованіе *Vštasp*, и *Vind*— (ново-перс. *Bindōi*, армян. *Vndoy*). Группа *vin* пережила, по мнѣнію Гюбшмана [2]), не измѣнившись въ новѣйшее *gun*, еще ту эпоху, когда группы *vr̥* и *vim* перешли въ *gur* и *gum*. Можно констатировать, что первый переходъ (*vin*-*gun*) завершился къ 7 столѣтію, когда въ Коранъ попало персидское слово *gunāh* (пехлев. *vināš*) въ арабской формѣ *ǰunāh*, но, во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права переносить формы *Gundâsp* и *Gustāsp* за VII—VIII вѣковъ до Р. Х.

Съ такой же увѣренностью Гоммель утверждаетъ, что царскія династіи Митанни (между Евфратомъ и Белихомъ за 1400 л. до Р. Х.), Вана (VII—IX в. до Р. Х.), вавилонскихъ касситовъ (1700—1200 до Р. Х.) и гетитовъ эпохи Рамзеса II (ок. 1300

своими данниками, то не трудно допустить возможность появленія персидскихъ именъ и у *царскихъ* (европейскихъ) скиѳовъ».

1) «Hethiter und Skythen und das erste Auftreten der Iranier in der Geschichte». Sitzungsberichte d. kön. böhmischen Gesellsch. d. Wissensch. Cl. für Phil., Gesch. etc. 1898. № 6.

2) Persische Studien. 1895, стр. 158—162.

до Р. X.), были происхожденія иранскаго, при чемъ династіямъ Митанни и гетитовъ онъ склоненъ даже приписывать прямо скиѳское происхожденіе. Однако сопоставленія въ области Митанскихъ именъ отличаются такимъ произволомъ, что выводы автора, въ сущности говоря, не основаны ни на какихъ данныхъ. Напр., что общаго между *Artaššumara*, если даже мы отдѣлить начальное *arta*-, дѣйствительно, напоминающее употребительную у иранцевъ первую часть именъ, съ скиѳскимъ 'Οσμάρακος которое, по мнѣнію Юсти [1]), возникло изъ пехлевійскаго *hušmār* [2]). Что же касается новоперс. *šumār* (число), на что могъ бы сослаться Гоммель, то эта форма, какъ показываютъ остальныя иранскія нарѣчія, возникла изъ *smar* [3]), и потому не находится ни въ какомъ отношеніи къ *Artaššumara*. При помощи всякихъ натяжекъ, сокращеній (*Argištiš* — «пожалуй, сокращеніе изъ Aria-gisti-s», котораго среди иранскихъ именъ, кстати, и нѣтъ!) и прочихъ тенденціозныхъ пріёмовъ Гоммель разыскиваетъ слѣды иранства по Малой Азіи и Палестинѣ и заходитъ въ такую даль вѣковъ, что не колеблется открывать ихъ, «по крайней мѣрѣ» за 1600 лѣтъ до Р. X. въ Вавилоніи. Носителями древнѣйшаго иранскаго элемента оказываются скиѳы. На бѣду, Юстинъ упоминаетъ о походѣ скиѳовъ на царя Везосиса (Сезостриса) и о дѣйствіяхъ этого послѣдняго противъ скиѳовъ; отзвуки тѣхъ же преданій о сношеніяхъ скиѳовъ съ Египтомъ записаны Геродотомъ, Страбономъ и Діодоромъ. Не провѣривъ ихъ достовѣрности, Гоммель относится къ нимъ съ полной вѣрой, характеризующей всѣ его выводы, но ничего не дающей трезвой наукѣ [4]). Итакъ, мы должны идти другимъ путемъ, что-

---

1) Iranisches Namenbuch, стр. 236.

2) Я думаю, что ее проще отожествить съ пехлев. *ōšmār* (Horn, Grundriss d. neupers. Etymol. 1893, стр. 176).

3) Horn, 176. Hübschmann, 80—81.

4) Съ чрезвычайной поспѣшностью, по нѣкоторымъ случайнымъ и сомнительныхъ сходствамъ, г. Гренъ въ своей, въ общемъ, весьма интересной и поучительной статьѣ: «Краткій очеркъ исторіи Кавказскаго перешейка съ древнѣйшихъ временъ» (Кіев. Унив. Изв. 1895. № 7 и 8) приходитъ къ выводу о сходствѣ черноморскихъ языковъ (абхазскаго, черкескаго, убыхскаго и

бы встрѣтить какіе-нибудь намеки на сношенія Россіи и Кавказа съ древними месопотамскими культурами, сношенія, которыя могли отозваться на бытѣ и тѣхъ народовъ, которые видѣли въ скиѳахъ представителей высшей культуры, заимствовали у нихъ представленіе о большемъ комфортѣ, объ утонченномъ искусствѣ и роскоши. Благодаря клинообразнымъ надписямъ ванскихъ царей, представителей ассирійской культуры въ Закавказьѣ, хотя сами они враждовали съ Ассиріей, — благодаря этимъ надписямъ, изслѣдованнымъ М. В. Никольскимъ въ цѣломъ рядѣ статей, мы знаемъ, «что ванскіе цари владѣли двумя единственно доступными путями изъ нынѣшней Турціи на Кавказъ, имѣли въ Закавказьѣ 3 главныхъ центра своего господства, два въ долинѣ Аракса и одинъ на Гокчѣ, владѣли также обоими главнѣйшими проходами черезъ Малый Кавказъ на сѣверъ, хотя мы не знаемъ, были-ли они по ту сторону Малаго Кавказа» [1]). Предполагая, что районъ вліянія ассирійской культуры простирался по этимъ именно путямъ на сѣверъ Кавказскаго перешейка, мы поймемъ появленіе ассиро-вавилонскихъ орнаментовъ въ южнорусскихъ степяхъ, среди такъ называемыхъ скиѳскихъ древностей. Другихъ прочныхъ данныхъ по древнѣйшей исторіи Кавказа ассиріологія пока не даетъ. Правда, съ статьѣ г. Грена [2]) мы находимъ рѣшительное утвержденіе, что уже на надписяхъ Тиглатъ-Пилесера I (въ XII в. до Р. Х.) на западѣ Кавказа указывается «сильная, впрочемъ, феодальная монархія Курти или Колхида, на престолѣ которой сидѣла греческая династія», но это заявленіе нужно принимать cum grano salis. Г. Гренъ, увлекшись обычнымъ у археологовъ желаніемъ начинать исторію страны съ глубочайшей древности, слишкомъ скоро принялъ на вѣру осторожную гипотезу своихъ источни-

---

абадзехскаго) съ хамитскими (египетскимъ). Пользуюсь случаемъ отмѣтить, что г. Гренъ также сопоставляетъ Кутаисъ и Κυταΐς у Аполлонія; я не согласенъ съ нимъ только въ опредѣленіи мѣстоположенія этого города.

1) «Древняя страна Урарту и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ». (Землевѣдѣніе. 1895, кн. I, стр. 1—24).

2) «Краткій очеркъ» и т. д. стр. 41.

ковъ. Страна *Курти* или, какъ предлагаютъ читать это имя, *Курхи* простиралась къ югу отъ озера Вана; названіе ея обитателей переносится большинствомъ ассиріологовъ на современныхъ курдовъ, территорія которыхъ, дѣйствительно, совпадаетъ съ областью *Курти* (или *Курхи*, даже *Кирхи*) [1]). Во всякомъ случаѣ, кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что до времени открытія новыхъ надписей мы лишены всякихъ положительныхъ данныхъ для разъясненія древнѣйшей исторіи Кавказа. Слѣдуетъ прибавить, что и археологическія находки, сдѣланныя на Кавказѣ, донынѣ скрываютъ всякіе слѣды ассиро-вавилонской культуры на внутреннемъ Кавказѣ. Такъ напримѣръ, Р. Вирховъ, изслѣдователь Кобанскаго могильника (въ 30 верстахъ отъ Владикавказа), поражается тѣмъ фактомъ, что левъ, играющій такую видную роль въ ассиро-вавилонскомъ искусствѣ, *никогда* не встрѣчается въ пластикѣ *древняг*о Кавказа. То же явленіе констатируется имъ и по отношенію къ изображенію быка. «Было-ли бы мыслимо,—замѣчаетъ Вирховъ [2]),—чтобы на Кавказѣ не найдено было ни малѣйшаго намека на это, если бы здѣсь существовало значительное (massgebend) ассирійское вліяніе». При всемъ различіи въ доисторическихъ культурахъ сѣвернаго Кавказа и Закавказья ихъ сближаетъ одна общая черта, полная независимость отъ ассирійскаго искусства. Приписывая доисторическую культуру Закавказья (Калакента и др.) армянамъ, а культуру у озера Вана представителямъ царства Вана (между прочимъ, самому царю Урсѣ или Русѣ), Вирховъ (стр. 60) приходитъ къ выводу, что армянское искусство древнѣе ванскаго, которое уже въ сильной мѣрѣ испытало ассирійское вліяніе.

1) Подробности объ этомъ ср. въ очень интересной и ученой статьѣ М. Штрека: «Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften» въ журналѣ «Zeitschrift für Assyriologie» т. 13 (1898), стр. 57—110 (особенно стр. 102—103). По его мнѣнію, сопоставленіе именъ *Курти* съ Κολχίς, высказанное Тиле только въ видѣ догадки, должно быть отвергнуто.

2) Ueber die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. (Abhandlungen Берлинской Акад. Наукъ. 1895), стр. 10.

Въ сущности говоря, это заключеніе не обязательно для насъ. Изъ отсутствія слѣдовъ ассирійскаго вліянія на Кавказѣ [1]) мы можемъ сдѣлать троякій выводъ: или его не было вовсе, или, дѣйствительно, искусство Кавказа извѣстно намъ въ такихъ древнихъ формахъ, когда ассирійское искусство со своими львомъ и быкомъ еще не выработалось, а вліяніе его не могло сказаться или наконецъ — и это очень важно для интересующей насъ темы — найденные предметы восходятъ къ эпохѣ, когда преданія ассирійскаго искусства уже давно отошли въ вѣчность. Едва ли послѣдняя часть проблемы и не является разрѣшеніемъ вопроса. Мцхетскій могильникъ, древность котораго такъ велика, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (напр. г. Хаханова), именно въ этомъ отношеніи даетъ нѣсколько положительныхъ данныхъ: «монету Августа, оттискъ съ пароянской монеты II вѣка по Р. Х., рѣзной камень съ грубымъ изображеніемъ Аѳины съ побѣдой на рукѣ, что опредѣляетъ время некрополя первыми вѣками по Р. Х.». Далѣе на одномъ цилиндрическомъ бронзовомъ сосудѣ находится латинская надпись: «изъ мастерской Кальпурнія» [2]). Выводъ гр. И. Толстого и г. Кондакова подтверждается сдѣланной генераломъ Бартоломеемъ въ 1867 году находкой греческой надписи 75 года по Р. Х. неподалеку отъ Мцхета на мѣстѣ древней крѣпости, о постройкѣ которой и сообщается въ над-

1) То же стремленіе начать исторію страны (въ данномъ случаѣ, Грузіи) съ древнѣйшихъ временъ характеризуетъ и замѣтку г. А. Хаханова: «Къ вопросу объ иноземномъ вліяніи на грузинскую культуру» (Этногр. Обозр. 1895. № 2, стр. 132 и сл.; тоже по французски въ Actes du X Congrès International des orientalistes. Sect. VII). Категорическія выраженія этого ученаго, когда онъ говоритъ объ ассирійскомъ вліяніи на Кавказѣ, не могутъ устранить сомнѣнія, связанныя съ вышеизложенными фактами. Такъ напр., изъ того, что, по мнѣнію гр. Уварова, cypraea moneta, найденная въ Мцхетскомъ могильникѣ, могла быть привезена изъ Индіи (хотя при распространеніи этой раковины въ видѣ монеты этого могло и не быть), г. Хахановъ дѣлаетъ выводъ, что «археологическія раскопки подкрѣпляютъ извѣстія древнихъ писателей о сношеніи Грузіи съ Индіей». Какихъ именно писателей и какія извѣстія, г. Хахановъ не указываетъ.

2) «Русскія древности въ памятникахъ искусства». Т. III, стр. 126.

писи[1]). Именно, эта мѣстность извѣстна въ Грузіи подъ именемъ *Накулбакеви* (бывшее торговое мѣсто), и здѣсь-то, по указанію г. Іоселіани, оканчивалась древняя *Армастика* Плинія и Страбона, городъ *Армазъ* Вахушта. «Въ этой крѣпости или укрѣпленномъ городѣ стоялъ идолъ Армазъ, низвергнутый св. Ниною и впослѣдствіи на мѣстѣ капища построена церковь во имя св. Нины, донынѣ уцѣлѣвшая».

Итакъ, суммируя эти данныя, мы имѣемъ основаніе утверждать, что и названіе Накулбакеви и находки въ Самтавро тѣсно связаны съ городомъ Армастикой, хорошо извѣстнымъ грекамъ и римлянамъ; другими словами, Мцхетскій могильникъ не можетъ говорить ни за, ни противъ ассирійскаго вліянія на Кавказѣ. Къ такому же сравнительно позднему времени издатели[2]) «Русскихъ древностей» относятъ Кобанскій могильникъ и прочіе некрополи Кавказа, которые всѣ описаны ими среди древностей эпохи переселенія народовъ. Ничего не говоря объ ассирійскомъ вліяніи[3]), эти некрополи тѣмъ не менѣе даютъ весьма цѣнные факты, оправдывая высказанное выше предположеніе о возможности сохраненія горскихъ именъ среди варварскихъ именъ на надписяхъ Босфорскаго царства. Древности южной Россіи начала нашей эры проходятъ по всѣму Сѣверному Кавказу, забираясь въ самые глухіе уголки главнаго хребта, служа памятникомъ живыхъ сношеній грецизированнаго Босфорскаго царства съ горскими племенами бассейновъ Терека и Кубани.

Переходимъ къ *третьему* этническому элементу (первые два *грузинскій* и *горско-кавказскій*, подъ которымъ здѣсь легче всего

---

1) «Двѣ классическія надписи, найденныя въ Закавказскомъ краѣ», сообщеніе г. Бартоломея въ Общ. Собр. Кавказскаго отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. 11 дек. 1867 г., стр. 4—5.

2) Стр. 108 и слл.

3) Ассирійское вліяніе на искусство скиѳовъ констатируется тѣми же изслѣдователями не разъ (Русск. Древн. вып. II, стр. 78, 97), но едва-ли можно сомнѣваться, что львы Александропольскаго кургана ведутъ свое происхожденіе оттуда же, откуда и Керческая ваза съ изображеніемъ охотящихся персовъ, т. е. изъ Персіи. Поэтому эти факты не даютъ для моей темы ничего существеннаго.

подразумѣвать черкесскій), который могъ оставить свои слѣды среди варварскихъ именъ босфорскихъ, ольвійскихъ и кавказскихъ надписей. Этотъ элементъ—*іудейскій*. Благодаря нѣсколькимъ замѣчательнымъ трудамъ, сдѣланнымъ въ послѣднее время, мы достаточно освѣдомлены какъ съ той ролью, которая принадлежала евреямъ на Кавказѣ, такъ и съ древностью ихъ поселеній въ этихъ мѣстахъ. Г. Вс. Миллеръ въ введеніи къ изданію еврейско-татскихъ текстовъ[1]) не восходитъ при опредѣленіи древности еврейскаго населенія на Кавказѣ дальше VII вѣка по Р. Х., но онъ констатируетъ бо́льшую распространенность, сравнительно съ современной, религіи Моисея въ Дагестанѣ и восточномъ Кавказѣ еще за 200 — 300 лѣтъ до нашего времени и, пользуясь арабскими и еврейскими извѣстіями объ обращеніи хазаръ въ іудейство, старается доказать, что это событіе произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ именно кавказскихъ евреевъ. Эти послѣдніе сохранили преданіе, связывающее начало ихъ переселенія на Кавказъ съ паденіемъ Израильскаго царства отъ руки Ассирійскаго царя, и если даже мы отнесемся скептически къ преданію, пережившему десятки вѣковъ, мы не можемъ не вѣрить свидѣтельству книги Есѳири (3,8) о томъ, что евреи проживали во всѣхъ сатрапіяхъ Персіи. По мнѣнію В. Миллера[2]) несомнѣннымъ фактомъ является то, что дѣйствительно въ той части Мидіи, которая впослѣдствіи называлась Атурпатаканомъ, а въ настоящее время извѣстна подъ названіемъ Адербейджана, существовало значительное еврейское поселеніе, которое и было колыбелью кавказскихъ евреевъ. «Въ пехлевійскихъ источникахъ эпохи Сассанидовъ[3]) не разъ упоминается о евреяхъ въ Персіи. Такъ, Іездегердъ I (339 — 420) относился къ евреямъ съ большимъ расположеніемъ, тогда какъ

1) Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка. Спб. 1892.

2) Тамъ же, стр. XIII и прим. 4.

3) Въ виду важности источниковъ, которыми пользуется г. В. Миллеръ, приведу по его сочиненію названіе статьи Дармстетера, изъ которой онъ черпаетъ нижеприводимыя свѣдѣнія (Darmesteter. Textes pehlevis rélatifs au judaisme. Révue des études juives. t. XIX, 1889, p. 41).

всего черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти евреи подверглись сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны фанатическаго царя Іездегерда II (438 — 457), а Перозъ (459 — 486) даже казнилъ ихъ политическаго главу, эксиларха, и нѣсколько ихъ раввиновъ. Въ связь съ этими преслѣдованіями г. Миллеръ ставитъ еврейскую колонизацію въ нѣкоторыхъ частяхъ Кавказа, но нѣтъ сомнѣнія, что главная масса ея относится къ гораздо болѣе раннему времени. Даже оставляя въ сторонѣ «Исторію Моисея Хоренскаго», какъ памятникъ неустановленнаго времени и не выясненной достовѣрности, хотя ея показанія относятъ начало еврейскихъ поселеній въ Арменіи ко временамъ Навуходоносора, и хотя она, повидимому, хорошо знаетъ судьбы евреевъ въ Арменіи, то гонимыхъ, то переводимыхъ изъ одного города въ другой[1]), мы имѣемъ нѣсколько очень цѣнныхъ данныхъ въ исторіи Фауста Византійскаго (360—370 г. по Р. Х.). Разсказывая о нашествіи Сапора на Арменію, онъ перечисляетъ тѣ города, которые подверглись разграбленію со стороны персовъ; во всѣхъ нихъ евреевъ оказывается столько же или даже больше, чѣмъ армянъ. По этому поводу мы находимъ у Фауста извѣстіе, повторяющееся и у Моисея Хоренскаго съ тою только разницей, что для Фауста это начало еврейскихъ поселеній въ Арменіи, тогда какъ Моисей уже родъ Багратіадовъ производитъ отъ евреевъ, и потому его слова, что Тигранъ во время похода въ Палестину вывелъ оттуда множество евреевъ, указываютъ на разнохарактерные источники, которые приходилось компилировать Моисею. Вотъ что говоритъ Faustъ Византійскій: «Всѣ эти многочисленные евреи, уведенные персіянами изъ Арменіи, были выведены изъ Палестины великимъ армянскимъ царемъ Тиграномъ (I в. до Р. Х.) во время плѣненія еврейскаго первосвященника Гиркана, котораго онъ также отвелъ въ Арменію».

---

1) Всѣ данныя о евреяхъ изъ Исторіи М. Хоренскаго извлечены въ превосходномъ изданіи Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи: «Регесты и надписи». Т. I. Спб. 1899.

Еврейскія поселенія въ Грузіи относятся Вахуштомъ[1]) ко временамъ Навуходоносора, когда евреи, бѣжавшіе отъ этого царя, были поселены мцхетскими мамасакли въ Кахетіи. Это преданіе, сходное, какъ мы видѣли, съ пережившими до нынѣ сказаніями горскихъ евреевъ[2]), повторяется въ другомъ сочиненіи того же автора «Исторіи Грузіи», причемъ здѣсь Вахуштъ прибавляетъ, что два грузинскіе евреи присутствовали при распятіи Христовомъ и принесли изъ Іерусалима ризу Христову въ Мцхетъ, и что послѣ разрушенія Іерусалима Веспасіаномъ еврейскіе бѣглецы явились въ Мцхетъ и поселились тамъ вмѣстѣ со своими единовѣрцами, пришедшими въ прежнія времена. Источникъ, которымъ пользовался здѣсь Вахуштъ, т. е. хроника: «Картлисъ-Цховреба» (Жизнь Грузіи), восходитъ въ свою очередь къ памятнику очень древнему, на который и ссылается грузинская хроника. Это недавно найденное «Житіе св. Нины», происхожденіе котораго относится г. Хахановымъ[3]) къ VII вѣку на томъ основаніи, что до времени царя Стефаноса II (639 — 663) сборникъ («Обращеніе Грузіи» и «Житіе св. Нины» составляютъ одинъ сборникъ, найденный г. Такайшвили въ 1890 году) даетъ съ нѣкоторой подробностью важныя историческія извѣстія, а потомъ для VII — IX вѣка ограничивается однимъ сухимъ перечнемъ эриставовъ. Изъ этого «Житія св. Нины» и заимствована, по словамъ изслѣдователя[4]), глава о хитонѣ Господнемъ,

1) «Description géographique de la Géorgie» par M. Brosset. Spb. 1842, стр 285 въ описаніи Кахетіи.

2) Оно повторяется въ той же формѣ въ хроникѣ: «Жизнь Грузіи» («явились въ Грузію также евреи, гонимые Навуходоносоромъ, и поселились въ Занави»). Это мѣсто царевичъ Вахуштъ скомбинировалъ съ другимъ извѣстіемъ той же хроники, стоящимъ всего нѣсколькими строками выше: «прибыли въ Грузію со стороны моря Гургани турки... и съ разрѣшенія мцхетскаго мамасахлиса и съ согласія всѣхъ картвельцевъ поселились выше отъ Мцхета» и т. д. См. Сборн. Матер. XXII, 12.

3) Въ статьяхъ: «Составъ и источники начальной грузинской лѣтописи». Журн. мин. Нар. Просв. 1892, сент. и «Источники по введенію христіанства въ Грузіи». Древности Восточныя. Т. I. Москва. 1893, стр. 299—347.

4) Журн. мин. Нар. Просв. 1892, сент. стр. 156.

принесенномъ изъ Іерусалима во Мцхетъ евреемъ Эліозамъ. Въ этомъ памятникѣ біографія просвѣтительницы Грузіи изложена отъ лица очевидцевъ, свидѣтельствующихъ объ ея апостольской дѣятельности и чудесахъ. Рядъ подробностей въ этихъ записяхъ указываетъ на то, что въ VII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, евреи считались древними обитателями городовъ Грузіи. Такая подробность, что св. Нина, попавъ въ Урбнисѣ (нынѣ селеніе горійскаго уѣзда Тифлисской губ.) въ еврейскій кварталъ, говорила по еврейски[1]), прекрасно согласуется съ фактами ея предшествовавшей жизни: когда св. Нинѣ было 12 лѣтъ, ея родители переселились въ Іерусалимъ, который нерѣдко и прежде служилъ мѣстожительствомъ для ея родителей. Встрѣча Нины съ евреями въ Урбнисѣ, разсказъ о которой вложенъ въ устаМіамфорѣ, армянкѣ, въ услуженіе которой святая была отдана патріархомъ, не могъ быть интерполированъ въ еврейскомъ смыслѣ; подробность о евреяхъ не могла быть вставлена въ него впослѣдствіи, потому что они не были ни мало заинтересованы въ ней. Возможно только предположить, что въ VII вѣкѣ, когда составленъ памятникъ, Урбнисъ такъ кишѣлъ евреями, что при упоминаніи о посѣщеніи города св. Ниной трудно было позабыть и еврейскій кварталъ. Въ такомъ случаѣ все же нужно думать, что и раньше VII вѣка евреи свили себѣ прочное гнѣздо въ Грузіи. Но гораздо вѣроятнѣе, что уже въ пору первой записи разсказа Міамфоры упоминаніе о евреяхъ было внесено въ него, и это подтверждается двумя другими свидѣтельствами о евреяхъ въ Мцхетѣ, занесенными въ то же житіе. «Глава 7-ая, которую описала еврейка по имени Сидонія, дочь священника Абіатара», принимаетъ за первооснову для своего разсказа о судьбѣ Хитона Господня во Мцхетѣ, что въ эпоху Распятія Христова во Мцхетѣ жилъ дѣдъ Сидоніи, Озія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что уже въ 140 г. до Р. Х. евреи жили въ Самсунѣ (Амисѣ), городѣ, область котораго простиралась на западъ до р. Галиса,

1) «Источники по введ. христіанства въ Грузіи», стр. 320, 322 и 326.

такъ, что эта рѣка представляла границу между Синопомъ и Амисомъ. Филонъ (legat. od Cajum, § 36) утверждаетъ, что евреи живутъ по (южному) берегу Понта до его самаго восточнаго угла (ἄχρι Βιθυνίας καὶ τῶν τοῦ Πόντου μυχῶν)[1]). Въ виду того, что по тому же извѣстію пришествіе св. Нины на Кавказъ совершилось въ 358 году нашей эры, конечно, указанная степень родства не можетъ быть принята; остается въ видѣ болѣе или менѣе достовѣрнаго факта лишь то, что св. Нина встрѣтила въ Грузіи приверженцевъ въ средѣ евреевъ, которые относили свое пребываніе на Кавказѣ ко временамъ древнимъ, по крайней мѣрѣ, уже къ началу нашей эры[2]). 11-я и 12-я главы Житія разсказываютъ о томъ, какъ Нина чудомъ исцѣлила слѣпорожденнаго еврея, и о томъ, какъ священникъ Абіатаръ изъ мцхетскихъ евреевъ крестилъ грузинскаго царя. Достовѣрность новооткрытыхъ памятниковъ грузинской словесности подтверждается до мелочей свидѣтельствами римскихъ и византійскихъ писателей, которые, не имѣя точныхъ географическихъ представленій о мѣстодѣйствіи излагаемыхъ ими событій, ничего не разсказываютъ о евреяхъ. Тѣмъ не менѣе, данныя Житія такъ хорошо согласуются между собой, что врядъ ли мы можемъ сомнѣваться, что, дѣйствительно, въ началѣ нашей эры евреи распространились по Кавказу. Какъ далеко они заходили въ своихъ культурныхъ и торговыхъ сношеніяхъ на сѣверъ, неизвѣстно; не знаемъ и того, если мы даже примемъ гипотезу г. Миллера о вліяніи кавказскихъ евреевъ на хозаръ, къ какому времени надо отнести начало сѣверно-кавказскихъ сношеній съ евреями. Несомнѣнно только одно, что въ Крыму, на Дону и на Таманскомъ полуостровѣ евреи водворились очень рано, и было

1) См. объ этомъ E. Schürer Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. III. 1898, стр. 3 — 5; на стр. 18 о евреяхъ въ Боспорскомъ царствѣ.

2) Это подтверждается еврейской надписью изъ *Мцхета* на арамейскомъ языкѣ, которую проф. Хвольсонъ относитъ къ IV — V вѣку. Надпись гласитъ: «это могила дорогого отца Іегуды, прозваннаго Гуркъ» и т. д.

бы, пожалуй, рискованно совершенно отдѣлять два однородные факта, другими словами, евреевъ на Тамани не ставить въ связь съ евреями въ Мцхетѣ, съ одной стороны, и съ крымскими и танаидскими, съ другой. При характерной способности еврейскаго племени быстро распространять свои колоніи, примѣняясь ко всякимъ условіямъ быта и принимая языкъ и внѣшній бытъ народовъ, среди которыхъ ихъ забрасываетъ судьба, мы не думаемъ, чтобы евреи, водворившись въ Арменіи, въ Адербейжанѣ и Грузіи, не постарались немедленно проникнуть далѣе на сѣверъ, къ Тамани и Дону. Но, конечно, кромѣ этой волны еврейскаго движенія мы въ правѣ допустить существованіе и другихъ волнъ, забрасывавшихъ безпріютныя массы еврейства и въ Римъ, и въ Грецію, и на Понтъ.

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ реальнымъ фактамъ, остановимся прежде всего на двухъ надписяхъ изъ Керчи, бросающихъ яркій свѣтъ на бытъ евреевъ въ этомъ городѣ[1]). Въ первой надписи, датированной 377 годомъ (80 по Р. Х.), какая-то Христа, вдова Друза, отпускаетъ на волю своего воспитанника Иракла; она ссылается на одобреніе своихъ наслѣдниковъ, Ираклида и Еликоніады, и поручаетъ отпускаемаго опекѣ іудейской синагоги. Во второй надписи, относимой къ тому же времени, личныя имена не сохранились, но опять встрѣчается упоминаніе о синагогѣ іудеевъ. Хотя имена не указываютъ на еврейское происхожденіе лицъ, ихъ носившихъ, а подъ іудеями мы можемъ подразумѣвать и христіанъ, какъ это было въ ходу у писателей, полемизировавшихъ съ христіанствомъ, тѣмъ не менѣе самый фактъ появленія христіанъ въ Керчи въ 80 г. по Р. Х. ручался бы за то, что среди населенія этого города были и евреи, главные носители и піонеры новой въ первый вѣкъ ея существованія. Однако врядъ ли христіанство успѣло пустить въ 80 году такіе прочные корни въ жизни босфорскаго города, чтобы въ надписи могла идти рѣчь объ об-

1) Эти надписи, какъ и другія данныя, заимствую изъ вышеуказаннаго изданія Еврейскаго общества.

щинѣ христіанъ, которая, къ тому же, никогда, кажется, и не называлась *синагогой*. Поэтому я держался бы того мнѣнія, что въ концѣ I вѣка нашей эры въ Керчи была уже цѣлая іудейская колонія[1]). Къ III вѣку г. Латышевъ относитъ обломки трехъ погребальныхъ плитъ, которыя на основаніи изображенія на нихъ семисвѣчника и полустертаго имени Σαμου(ηλ)ον на одной изъ нихъ приписываетъ также евреямъ. Надгробныя надписи въ Чуфутъ-Кале начинаются со 157 года по Р. Х. и тянутся до 1773 года, отмѣчая этимъ непрерывность еврейскаго населенія въ глухомъ уголку Крыма. Кромѣ этихъ надписей, о евреяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря говорятъ Житіе херсонскихъ священномучениковъ, упоминающее о томъ, что въ возмущеніи язычниковъ противъ христіанскихъ епископовъ (6 дек. 300 г.) въ Херсонесѣ Таврическомъ принимали участіе и евреи («Регесты и надписи» I, 42), и въ концѣ того же вѣка блаженный Іеронимъ. «Мы узнали отъ еврея, который былъ нашимъ учителемъ въ Священномъ Писаніи,— говоритъ онъ,— «что такъ (т. е. Сефарадъ) называется Босфоръ, и, какъ іудей, онъ сказалъ, что это та страна, въ которую переселилъ плѣнниковъ Адріанъ». Если въ этомъ сообщеніи и есть правда, то она относится, вѣроятно, не къ Киммерійскому Босфору, такъ какъ здѣсь евреи извѣстны уже въ I вѣкѣ. Переходя къ Таманскому полуострову, отмѣчу еврейскую надпись IV — V вѣка: «Менахимъ сынъ Амца...» и извѣстіе хронографа Ѳеофана, которое, хотя и выходитъ за хронологическіе предѣлы нашего изслѣдованія, тѣмъ не менѣе даетъ любопытное указаніе на еврейскій элементъ на восточномъ берегу Чернаго моря въ VII вѣкѣ (извѣстіе относится къ 671 г.). «Къ восточной части на прибрежіи при Фанагоріи и окрестностяхъ, около живущихъ тамъ евреевъ находятся также и многія другія племена» (Регесты, I, 43). Семитическія имена среди варварскихъ именъ южно-

---

1) Такъ же смотритъ и извѣстный эбраистъ Шюреръ какъ въ своей книгѣ, такъ и въ статьѣ: «Die Juden im bosporanischen Reiche» (S. B. Берлинской Акад. 1897).

русскихъ надписей уже давно указаны г. Соболевскимъ въ рецензіи г. Кулаковскаго на I томъ Сборника В. Латышева. Дѣло будущаго изслѣдованія провѣрить и дополнить ихъ списокъ. Я надѣюсь скоро представить въ печати разборъ около 30 именъ (съ IV в. до Р. Х.), которыя, несомнѣнно, еврейскаго происхожденія.

Намъ остается разсмотрѣть еще два источника, откуда въ Босфорское царство могли приходить варварскія имена: какъ съ Арменіей, такъ и съ Персіей его соединяли разнообразныя связи. Сношенія аланъ-осетинъ съ армянами послужили предметомъ для тщательнаго изслѣдованія г. Миллера въ 3-мъ выпускѣ его «Осетинскихъ этюдовъ»[1]). Первое достовѣрное извѣстіе о походѣ аланъ на Арменію принадлежитъ классическимъ писателямъ, Іосифу Флавію и Тациту[2]), по словамъ которыхъ аланы въ 72 г. по Р. Х. совершали въ союзѣ съ грузинами (иберами) набѣгъ на Мидію и дошли до Арменіи. Оказывается, что аланы опустошили всю страну и увели къ себѣ толпы плѣнныхъ изъ Мидіи и Арменіи. Туземная армянская исторія въ лицѣ Моисея Хоренскаго сообщаетъ объ этомъ событіи болѣе пространный разсказъ, разукрашенный разными подробностями. Согласно этой версіи, неизвѣстной и грузинскимъ источникамъ, армяне взяли въ плѣнъ сына аланскаго царя и для его освобожденія сестра юноши Сатиникъ предлагаетъ свою руку армянскому царю Арташесу. Въ недавнее время въ диссертаціи г. Халатьянца: «Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго» (М. 1896) достовѣрность повѣствованія Моисея подверг-

---

1) Здѣсь на стр. 17—38 изложены извѣстія грузинской исторіи объ осетинахъ. Въ настоящее время они сведены М. Джанашвили подъ общимъ заглавіемъ: «Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Сѣверномъ Кавказѣ и Россіи» (Сборн. Мат. вып. XXII) и «Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Херсонисѣ, Готѳіи, Осетіи, Хазаріи, Дидоэтіи и Россіи» (Сборн. Мат. вып. XXVI).

2) См. Ю. Кулаковскій. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Кіевъ, 1899, стр. 9—12.

лась сильному подозрѣнію. Г. Халатьянцъ[1]) доказываетъ, хотя, на мой взглядъ, и не всегда убѣдительно, что въ основѣ разсказа Моисея лежитъ извѣстіе Іосифа Флавія, скомбинированное въ легендѣ Сатиникъ съ преданіями книги «Эсѳирь»[2]). Послѣднее очень правдоподобно: царица Астинэ (въ армянскомъ переводѣ Библіи), жена Артаксеркса, сильно напоминаетъ Сатиникъ, мудрую дѣву аланъ. Сомнительно только то, чтобы Моисей безъ всякаго повода ввелъ въ свой разсказъ эпизодъ о бракосочетаніи Аланки съ армянскимъ царемъ. Здѣсь могъ быть отзвукъ какого-нибудь дѣйствительнаго историческаго событія, преданія, связаннаго съ нашествіемъ осетинъ на Арменію въ I вѣкѣ нашей эры. Въ 133 году аланы опять вторгаются въ Арменію и Мидію, призванные противъ Парѳянъ царемъ Иверіи, Фарасманомъ II[3]). Къ концу II вѣка грузинская исторія относитъ новыя столкновенія аланъ съ грузинами и армянами. При царѣ Амзаспѣ II (182—186) осетины (оссы) вторглись въ Грузію, но были поражены; въ союзѣ съ армянами Амзаспъ двинулся на осетинъ и проникъ въ ихъ землю; но впослѣдствіи армяне измѣнили свое отношеніе къ Грузіи, призвали на помощь римское войско и оссовъ и разбили Амзаспа[4]). Въ III вѣкѣ «во время войны армянскаго царя Хосрова съ сасанидомъ Арташиромъ, сыномъ Сасана, союзникъ армянъ, грузинскій царь Асфагуръ (262—265) открылъ ворота Кавказа и пропустилъ оссовъ, лековъ и хазаръ, чтобы вмѣстѣ съ ними воевать противъ персовъ. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ, по смерти армянскаго царя Хосрова, персы овладѣли Арменіей, то союзникъ его Асфагуръ грузинскій бросился въ Осетію, чтобы собрать тамъ войско, и умеръ въ этой странѣ»[5]). На этомъ мы и оставимъ исторію сношеній осетинъ съ армянами. Важно то, что, по мнѣнію армянскихъ и

1) «Армянскій эпосъ», стр. 243.
2) Тамъ же, стр. 263 и 267.
3) Ю. Кулаковскій, Аланы, стр. 12—13.
4) В. Миллеръ. Осет. этюды III, 28.
5) Тамъ же, стр. 28—29.

грузинскихъ историковъ, осетины издревле находились въ сношеніяхъ и съ армянами, и съ грузинами, и съ прочими народностями Кавказа.

На прямыя сношенія сарматскихъ племенъ съ Персіей мы имѣемъ драгоцѣнное указаніе не только въ извѣстномъ разсказѣ Геродота о караванахъ, которые шли изъ Ольвіи къ исседонамъ, но и въ слѣдующемъ сообщеніи Страбона о сарматскихъ народностяхъ аорсовъ и сираковъ, кочевавшихъ у Каспійскаго моря до Кавказскихъ горъ. «Аорсы занимаютъ большую часть страны и владѣютъ длиннымъ берегомъ Каспійскаго моря, ведутъ на верблюдахъ торговлю индійскими и вавилонскими товарами, получая ихъ отъ армянъ и мидянъ; будучи богатыми, носятъ золотыя украшенія» (XI, 5, 8). О каспіяхъ разсказываетъ Эліанъ (XVII, 32): они ловятъ въ какомъ-то огромномъ озерѣ большую рыбу, называемую *остроносой* (стерлядь?), солятъ и сушатъ ее; затѣмъ «навьючиваютъ на верблюдовъ и везутъ въ Екбатаны».

Эти данныя достаточно ясно указываютъ, какимъ образомъ персидскія имена могли попасть на южно русскія надписи.

Таковы этническіе элементы, которые входили въ періодъ съ IV вѣка до Р. Х. до IV в. по Р. Х. въ составъ культуры, которую я позволю себѣ назвать греко-скиѳской и которая воспринимала двоякаго рода вліянія: одно изъ нихъ шло съ юга, изъ греческихъ городовъ, другое съ востока; это послѣднее направлялось двумя путями: одинъ шелъ черезъ Кавказъ, гдѣ передаточными пунктами служили армяне, грузины и иныя кавказскія горскія племена, другой направлялся изъ Средней Азіи и здѣсь передатчиками служили, по всей вѣроятности, родственные скиѳамъ саки, находившіеся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ гирканцами и парѳянами [1]).

Нашъ обзоръ не полонъ: литовцы и финны, равно какъ и славяне, могли также оставить свои слѣды на надписяхъ, но

---

1) В. В. Григорьевъ. О скиѳскомъ народѣ сакахъ, стр. 58.

пока не выяснится размѣръ ирано-финскихъ, славянскихъ и литовскихъ отношеній, мы не имѣемъ возможности утверждать это положительно. Словарныя совпаденія и сходство орнаментовъ [1]) говорятъ, кажется, за то, что сношенія шли скорѣе на сѣверъ, имѣя односторонній характеръ, чѣмъ распространялись въ обѣ стороны одинаково. Такъ складывался восточно-европейскій культурный міръ.

А. Погодинъ.

1) Говоря о серебряной бляхѣ изъ Краснокутскаго кургана, издатели «Древностей скиѳо-сарматскихъ» (стр. 104) выражаются такъ: «тождество по рисунку этого предмета съ рѣзными коньками русскихъ избъ обращаетъ на себя тѣмъ болѣе вниманія, что оно является связующимъ звеномъ между урало-алтайскими художественными типами и звѣринымъ орнаментомъ европейскаго сѣвера».

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 079412604